

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

АЛЬБЕРТ БАЙКАЛОВ

**В ПРИЦЕЛ
СУДЬБУ
НЕ РАЗГЛЯДИШЬ**

Филин

Альберт Байкалов

В прицел судьбу не разглядишь

«ЭКСМО»

Байкалов А. Ю.

В прицел судьбу не разглядишь / А. Ю. Байкалов — «Эксмо»,
— (Филин)

Разведка доложила, что в Афганистане сформирован лагерь, в котором готовят снайперов для устранения президента Чечни. Какому-то влиятельному господину стоит поперек горла руководитель республики. Подполковник спецназа ГРУ Антон Филиппов и его бойцы получают задание уничтожить лагерь. И вот когда труднейшая задача выполнена, выясняется, что лагерь служил лишь приманкой, а трое стрелков давно ушли из него и уже занимают удобные позиции...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Альберт Байкалов

В прицел судьбу не разглядишь

Глава 1

– Филин, это Дрон, объект въезжает со стороны Осипенко во двор своего дома, – голосом Дорофеева изрекла лежащая между сиденьями «Моторола». – Встречайте.

Не поворачивая головы, Антон нащупал пуговицу болтавшегося на подголовнике микрофона и подтянул его к губам:

– Принято!

Рука вновь безвольно упала на колени.

Залетевшая в салон муха несколько раз стукнулась о лобовое стекло и села. Казалось, у нее нет сил даже ползти. Жара стояла такая, что не хотелось говорить. Разгневанная за что-то на человечество природа подбрасывала все новые сюрпризы. Одна часть Европы тонула, другая, в прямом и переносном смысле, горела. В Москве столбик термометра ежедневно с успехом штурмовал отметку в тридцать два градуса. Люди оставляли в расплавленном асфальте обувь, умирали от сердечных приступов, получали в нескончаемых автомобильных пробках тепловые удары, но все равно куда-то бежали, ехали, спешили. В этих условиях подразделение спецназа ГРУ под командованием подполковника Филиппова на практике отрабатывало вопросы оперативного мастерства. С появлением террористической угрозы приходилось учиться не только вести разведку и совершать диверсии, но и, наоборот, предотвращать подобные действия врага на своей территории. Спецназовцы четвертые сутки перемещались из одного конца города в другой, сидели в засадах, вели наблюдение с чердаков, лестничных клеток, из подвалов. Пришлось рыться в мусорных баках, подсовывать «жучки» на балконы, общаться с контингентом, который с трудом мог вспомнить год своего рождения, разбираться в хитросплетениях лабиринтов подземной Москвы. По несколько раз в день изменяли внешность и манеру поведения. Пересаживались с одних машин на другие, с мотоциклов на велосипеды. В общем, всего и не перечить.

По условию тренировки в столицу прибыла террористическая группа в количестве пяти человек, в планы которой входило совершить на одном из участков метрополитена диверсию с применением радиоактивного материала. Роль злодеев играли смежники. Все – неприметной наружности. Причем на начальном этапе было известно только об одном члене команды. Он прилетал рейсом Аэрофлота из Самары, курил сигареты «West», слегка картавил. Руководитель учений всучил Антону снимок этого «объекта», сделанный со спины, да еще во время дождя. На голове шляпа, голова повернута вправо. Кроме того, фотоаппарат держал в руках человек либо с большого перепоя, либо страдающий эпилепсией. Освещение хуже некуда, плюс низкое качество печати. Немудрено, что запечатленный на ней мужчина походил на кого угодно. Как заметил Дрон, если точно так же развернуть к объективу верблюда и надеть на него шляпу, сходство будет идеальным. Тем не менее сумели зацепиться. К сегодняшнему дню всех «диверсантов» вычислили, но обнаружили себя. Теперь «террористы», имеющие большой опыт оперативной работы, будут пытаться пустить их по ложному следу либо вовсе оторваться. А еще не удалось выйти на тайник с «заразой». По всем расчетам, сейчас он находится в доме, у которого остановились Антон и Кот. Если это так, то в самое ближайшее время его попытаются перевезти в другое место. Антон пришел к выводу, что «очкарик», которого они полдня вели через пробки, направляется сюда именно для этого.

– Едет, – не поворачивая головы, едва слышно проговорил Котов и положил ладони на руль.

Майор считался прямым заместителем Антона. Пришел в группу, уже имея боевой опыт. За плечами несколько серьезных операций, как в России, так и за ее пределами. Спокойный, рассудительный и терпеливый. Склад ума математический, память почти феноменальная. Впрочем, это стандартный набор требований к разведчику-диверсанту. Хотя у каждого были индивидуальные качества и способности. Кот говорил на двух языках, понимал три. Мастер спорта по офицерскому многоборью. Еще в училище достиг неплохих результатов в вольной борьбе. Однако, пройдя многочисленные комиссии, тестирования и прочие испытания, считался куском сырого теста. Такой специалист – подарок любому полку ВДВ или бригаде спецназа, но не группе, подобной той, которой командует Антон. С первого дня с ним, как и с остальными разведчиками-диверсантами, плотно работали инструктора, преподаватели, психологи. Сейчас это уже профи.

Антон покосился на майора. Его бритый череп лоснился от пота. Лицо было красным, отчего выгоревшие, бесцветные брови казались нарисованными мелом.

Мимо, шурша шинами, проехала серебристая «Тойота», в которой находился «объект», и остановилась у крайнего подъезда. Из нее вышел сухощавый брюнет в очках. Несмотря на жару, он был в костюме и галстуке.

– Кондиционер у этого пинкертона под одеждой, что ли? – не выдержал Кот. Его футболка была мокрой.

Антон открыл дверцу и шагнул на тротуар.

Очкарик внимательно посмотрел на вышедшего из припаркованного неподалеку «жигуленка» высокого сероглазого мужчину с волевым подбородком и атлетической фигурой, взял под мышку кожаный портфель и закрыл машину. После чего направился в сторону подъезда.

Антон немного выждал и двинулся следом. Он еще утром узнал код замка. Но двери закрывались медленно, и можно было успеть проскочить, не теряя драгоценные секунды, которые очкарик наверняка использует против них. Спецназовцы стали провоцировать «террористов» на экстренные действия. Они сейчас умышленно нагло наблюдали. Антон рассчитывал, что в таких условиях смежники занервничают и допустят ошибку. Играли на грани фола. Там тоже ребята не дураки и могут догадаться, чего хотят от них разведчики. Но затянувшаяся эпопея с контейнером, в котором, по условию учений, хранится радиоактивный материал, уже порядком надоела. В другой обстановке они бы наверняка действовали тоньше и терпеливей, но не сейчас.

Едва он ухватил ручку, как навстречу выскочили двое подростков, за которыми появилась дама с коляской. Антон пропустил их, помог женщине спуститься со ступенек и только после этого вошел в подъезд. Здесь было сумрачно и прохладно. Гремел лифт. Он прислушался. Кабина ползла вниз. Значит, очкарик не мог воспользоваться им. Антон устремился по лестнице. Навстречу спускался средних лет мужчина в майке и мятых спортивных трусах. В руках держал карликовую собачонку.

Где же очкарик? – пытаюсь увидеть «объект» между пролетами, Антон нагнулся, посмотрел вверх и перешел на бег. В это время собаковод поравнялся с ним. Что-то не так. Неожиданно Антон разглядел над его ухом едва заметную розовую полоску. Такие оставляют дужки очков. Но это еще ни о чем не говорит. Сидел дома за компьютером. Решил выйти прогуляться, снял. Неестественная сутулость. Майка мокрая от пота, даже сильнее, чем у Кота, который весь день провел в машине, а главное, спортивные трусы! Все в складках, словно жеваные, они раньше были надеты под брюки! Антон уже выскочил на площадку. Внизу хлопнула входная дверь. Он открыл мусоропровод и заглянул внутрь. Вот и портфель! Застрял, не пролетев и метра. В нем была собачка! Доставая сотовый, он подошел к окну. Перевоплотившийся в любителя четвероногих очкарик неторопливо уходил в направлении соседнего дома. Антон надавил на кнопку автоматического набора номера.

– Кот на связи.

- Объект изменил внешность. Направляется мимо детской площадки.
- С собакой? – уточнил Кот.
- Да.
- Понял.

Антон развернулся, собираясь сбежать вниз по лестнице, но неожиданно замер. Слишком примитивно для специалиста сработал объект. Именно это и заставило его остановиться. Очкарик снял пиджак, рубашку и брюки. Достал собачку. Стоп! Туфли на нем были коричневые, а возвращался в кроссовках. Носки серые поменял на зеленые. Как все это могло уместиться вместе с собакой в портфеле? Да и времени у него было слишком мало, чтобы сменить сразу пять элементов гардероба. К тому же он бы наверняка насторожил подростков. Те как раз должны были застать его за переодеванием. Портфель тоже мог спокойно пролететь до конца трубы мусоропровода. Его попросту бросили плашмя, вот он и застрял. Значит, здесь очкарика ждал второй, похожий на него человек! Чекисты решили, что разведчики клонут на грубую наживку и примут собаководом за переодевшегося очкарика. Не вышло! Хотя оригинально.

Он отступил обратно к окну и снова достал телефон.

– Кот, это опять я, – наблюдая за направляющимся следом за собаководом Котовым, быстро заговорил Антон. – Передай его Джину, а сам обратно. Это подставной. У них в команде были два похожих по росту и комплекции.

В отличие от Антона Кот использовал портативный микрофон, вставляющийся прямо в ушную раковину, и ему не требовалось вынимать станцию или телефон. Он лишь обернулся, посмотрел на окно лестничной клетки и кивнул.

Антон мысленно отругал Кота и стал спускаться. Придется позже устроить взбучку. Кроме него, майора мог видеть очкарик. Окна квартиры выходят как раз во двор. Покинуть дом кроме как через подъезд условный член террористической организации не сможет. Дверь на чердак не только закрыта на дополнительный замок, но и находится под контролем Лаврененко. Подвал держал Москит. На соседний балкон перебраться невозможно. Спекся очкарик! Антон вышел из подъезда и потерял руки. Никуда не денется, теперь они его прищучат. Только надо до конца сыграть роль взявших ложный след гончих. Сейчас они сядут в машину и уедут. К этому времени в этот район подтянется экипаж Банкета.

Неожиданно вновь заработал виброзвонок сотового телефона. Антон вынул мобильник и посмотрел на дисплей. Горела единица. Значит, на связь выходил Родимов.

- «Вот и хорошо! – подумал Антон. – Сразу доложу, что скоро отмучаемся!»
- Ты где? – с ходу спросил генерал.
- Тухачевского...
- Задачу снимаю. – Родимов не дал договорить. – Всех касается, «Сбор»!

По голосу шефа Антон догадался, ему безразлично, что его подчиненные загнали смежников в угол. Значит, случилось либо должно произойти что-то из ряда вон выходящее.

– Куда? – научившийся понимать командира по одному лишь взгляду, спросил Кот, поворачивая ключ в замке зажигания.

– На базу, – как само собой разумеющееся, ответил Антон и почувствовал облегчение. Как ни крути, а он не был до конца уверен, что группа на правильном пути. Совместные учения с контрразведчиками – штука серьезная. В этой конторе знали свое дело. Тем более городские условия были для них более привычными, нежели для людей Антона. Хотя подобные группы создавались как универсальные подразделения, которые могут самостоятельно выполнять задачи практически любого характера. Во времена «холодной войны» спецназ готовили для уничтожения штабов, пунктов управления родами войск НАТО, глав государств, диверсий в отношении объектов опасного и военного производства. В их распоряжении был огромный арсенал средств, включая автономные ядерные мины. В мирное время они могли получить приказ провести экстренную эвакуацию из-за рубежа сотрудника посольства, вернуть или уни-

чтожить бежавшего носителя информации, оглашение которой может принести урон государству, произвести разведку строящегося объекта. В общем, всего и не перечесть.

Сейчас, после крушения целой системы, изменилась и специфика работы. Спектр вероятных задач значительно расширился. Подразделения Генерального штаба все чаще стали использоваться на территории собственной страны. Чечня, Дагестан, Ингушетия. Появились экстремистские группы и террористические организации в центральных областях. Как грибы росли политические партии и движения, готовые использовать эту силу в своих интересах. Не брезговали этим и отдельные личности, в свое время занимавшие высокие посты в правительстве, Совете Федерации и других государственных структурах. Неудивительно – есть спрос, будет предложение. Особой популярностью они пользуются у бежавших в разное время из страны олигархов. Находясь за границей, никто из них не оставлял надежды вернуться для продолжения ее разграбления. Любыми путями они пытались подсидеть, свалить тех, кто остался у пирога. Антон видел и не верил своим глазам – в России складывалась ужасающая ситуация, становясь богатым, человек не только переставал любить и уважать свой народ, он начинал его ненавидеть и втоптывать в грязь. Власть стала самым ходовым товаром. У одного право распоряжаться ресурсами, у другого финансами, третий имеет возможность контролировать определенные события, а значит, влиять на положение дел в стране. Повсеместно интриги, подставы, убийства. Огромную роль стало играть общественное мнение и голоса избирателей. За все приходилось бороться. Были и более жестокие формы воздействия на население. В порядке вещей стали войны в целом регионе, захват заложников или взрывы самолетов. Большой успех воздействия имели такие факторы, создаваемые чиновниками, как недоступность лекарств, цены на бензин и продукты питания, отсутствие жилья. Как результат: нищета, повальный алкоголизм в глубинке и наркомания. Горстка ошалевших от бешеных денег молодых, избалованных, а главное, ничего не сделавших в жизни людей, словно по заказу, круглые сутки кривлялась, занималась сексом, материлась с экранов телевизоров, обзывая себя элитой общества, а на самом деле приводя в ярость этот самый, настоящий, народ. На тусовках гламура вульгарные и необразованные особи выставляли друг перед другом колье, часы и прочие побрякушки, стоимость которых была равна цене десятков операций по пересадке костного мозга. Непонятной ориентации юноши хвастались автомобилями, от продажи которых можно было выручить деньги для постройки детского дома или интерната. Что это? Запущенный природой механизм самоуничтожения нации? Они любят говорить, что каждый может заработать. Они кричат, что просто самые удачливые, умные и рискованные. Нет, не может быть вся страна такой. Тогда реальную работу будет некому делать. Тогда все должны потерять совесть, а душу продать дьяволу. «А может, так оно и есть? – неожиданно подумал Антон. – Вдруг повелитель тьмы уже действительно пришел? Спустился на землю и сейчас спокойно в ночных клубах, казино, публичных домах, саунах устроил офисы, где оформляют сделки?»

Федор Павлович ждал в учебном центре. В новое здание управления, расположенное на Хорошевском шоссе, генерал вызывал редко. Там кабинет шефа походил на президентские хоромы. Специфика работы Филиппова обязывала знать, как примерно устроен быт у глав государств вероятного противника. Кроме рабочего помещения со всем необходимым для проведения совещаний, планирований и разного рода консультаций, на случай чрезвычайного положения у Родимова были оборудованы комната отдыха, санузел и душевая.

Здесь, среди стрельбищ, автодромов, огромного полигона с макетами зданий, искусственными скалами, болотами и лесами, генерал бывал не так часто, но проводил это время с пользой. Он обязательно посещал тир, где «сжигал» из разных видов оружия не одну сотню патронов. Пробегал полосу препятствий. Иногда выдергивал кого-то из спецназовцев и тащил в спортивный зал, где устраивал спарринги. «Другие едут за город, я сюда», – смеялся он, справедливо считая, что в окрестностях учебного центра природа намного красивее, чем за его пределами, а отдых гораздо активнее.

Несмотря на уже предельный для службы возраст, невысокого роста, абсолютно седой, остроносый генерал мог еще дать фору многим действующим военным. Нередко он сам принимал участие в операциях, наравне с бойцами деля тяготы.

– Товарищ генерал, подполковник Филиппов по вашему приказанию прибыл! – вытянув руки по швам, хотя и был в гражданской одежде, доложил Антон.

Родимов вышел из-за стола, подошел вплотную к Филиппову и протянул сухую ладонь.

– Мы почти сделали смежников, – отвечая на рукопожатие, объявил Антон, но осекся. Взгляд генерала говорил о том, что ему сейчас не до занятий, пусть и с вечными конкурентами.

– Проходи, Антон Владимирович, садись. – Родимов указал взглядом на стул у стола для совещаний, сам подошел к стене, сдвинул штору из темного плотного материала, за которой висела истыканная флажками, разрисованная условными знаками, исписанная одному ему понятными пометками карта направления.

Антон развернулся на стуле в сторону генерала и проследил за его взглядом. Генерал смотрел на Афганистан.

– По линии СВР (Служба внешней военной разведки. – *Прим. авт.*) поступила информация, касающаяся подготовки на территории Афганистана группы из числа лиц славянской наружности. К кандидатам предъявлены очень высокие требования. Цель неизвестна. – Родимов развернулся на каблуках и посмотрел в глаза Антона. – Возможно, президент Чечни либо кто-то из членов правительства. Не исключаю, что замахнулись на первое лицо государства.

– Они достали. – Антон поморщился. – Лучше бы на Луну слетали. С такими затратами, энергией и целеустремленностью эти фанатики уже давно бы нашли во Вселенной Аллаха. Это уже четвертая, только по нашей линии, попытка угрожать деньги впустую. А сколько таких покушений служба охраны, менты и смежники предотвратили?

– К подобной информации надо подходить как в первый раз. То, что удавалось сорвать планы террористов претворить в жизнь нечто подобное раньше, не должно расслаблять. Начнете недооценивать, и они переиграют. У нас опасный и хитрый враг. Считай, что предыдущие попытки они устраивали, чтобы ты начал думать о них как о никудышных организаторах и профессионалах.

– Так и будет, – заверил Антон, ловя себя на мысли, что не в меру разговорился.

– Значит, слушай и запоминай. – Генерал задвинул штору и вернулся на свое место. – Район предстоящих действий – сто километров севернее Герата. перевал Сабзак. Вдоль притока Мургаба.

– Проникновение со стороны Туркмении? – попытался угадать Антон.

– Нет, – генерал покачал головой, – Таджикистана.

– Но ведь там почти семьсот километров! – Антон не мигая уставился в лицо генерала, пытаясь понять, шутит он или говорит правду. – Горы, посты, талибы... Бред какой-то. Или с янки договорились?

– Они наверняка заинтересованы в работе лагеря. – Генерал покачал головой. – Эти ребята всегда на все, что касается безопасности России, смотрят сквозь пальцы.

– Там от границы с Туркменией три дня хода. – Антон посмотрел на штору, за которой была карта, и вновь уставился на Родимова.

– Этим маршрутом уйдете. В Кушке вас встретят. По крайней мере, будем в этом направлении работать. Пока, правда, решения нет. Есть только приказ начальника предоставить к рассмотрению варианты уничтожения объекта. Их, кроме использования твоей группы, будет несколько. От бомбардировки с воздуха до попытки стравить в том районе вооруженные отряды движения Талибан с местными племенами или полицией. Но, как ты сам понимаешь, в первом случае это черед скандалов на международном уровне, во втором необходимо время. Так что настраивайся на командировку.

– Нас планируйте забросить по воздуху? – предположил Антон.

– Полетите сами, – ошарашил генерал. – В один конец. Если вам дать экипаж, значит, отправить его на верную гибель. У тебя в группе по штату свои пилоты. Или забыл? Думал, просто так все? Дурь маразматиков?

– Да нет. – Антон отстранился от стола, пытаясь скрыть охватившее его волнение, и отвел взгляд в сторону. – Помню.

На случай военных конфликтов было много способов заброски группы в глубокий тыл противника, в том числе с использованием максимальной дальности полета вертолета, после чего он выводился из строя или затапливался. Предусматривались варианты возвращения с использованием захваченной техники. У половины стран мира состояли на вооружении и просто работали различные модификации «Ми-8». Взлет, посадку в идеальных условиях в группе Антона мог осуществить любой офицер, кроме чеченцев. Они эти занятия не застали, а тренировки два года назад были прекращены. Постоянный экипаж – Дрон, Котов. По программе они должны ежегодно набирать по двадцать часов налета. Не асы, но добраться по прямой смогут куда угодно.

– Сейчас с таджикскими коллегами ведутся переговоры и консультации в рамках программы «Антитеррор». Возможно, будет подстроено все таким образом, будто вы захватите один из вертолетов, которые местные авиакомпании задействуют для приграничных перелетов.

– Что представляет собой объект?

– Пока известно лишь то, что финансируется он по линии небезызвестного тебе Ата Алшиха и Таровского. Возможно, помогают «мученики» из Лондона. Наши олигархи никогда не упускали такого способа вложения денег. Численность курсантов, по разным данным, от десяти до тридцати человек. Вышли на них случайно. В странах Восточной Европы и бывших союзных республиках в середине весны появились волонтеры из отставников английских спецподразделений. Искали славян с хорошим знанием русского языка, менталитета, обычаев. Приветствовалось наличие высшего образования и служба в армии. Особо обращали внимание на представителей криминального мира. Наши службы отследили перемещение двоих из таких кандидатов. Довели до Герата. Одновременно подключили старые, еще с советских времен, связи в ближайших провинциях и установили, что появился новый лагерь. Немного, но стабильно поступает информация и из других регионов. В Латвии пропал бывший сотрудник КГБ, в свое время работавший в четвертом управлении. Наверняка уехал делиться опытом. В Кабул дважды вылетал Даниэль Нусон.

– Поймать бы этого козлика! – Антон непроизвольно сжал кулаки. Англичанина он заочно возненавидел еще несколько лет назад. Скользкий и мерзкий во всех отношениях тип является связующим звеном между официальным Лондоном и большинством террористов.

– Пока нет окончательного решения, даю время для решения неотложных задач и для отдыха. – Генерал встал. – Кроме тебя, никто пока не должен знать о реальных причинах прекращения тренировки.

– Все и так догадаются. – Антон поднялся со стула.

* * *

Павел проснулся рано. Некоторое время он лежал с открытыми глазами, приходя в себя после пробуждения. А оно давалось ему с трудом. Редко найдется человек, легкий на подъем, но у него другой случай. Он как раз таки и не любил долго нежиться в постели. Причина мучений – контузия, ранение в голову и спину. Очнувшись ото сна, он сначала не понимал, где находится. Потом начинало болеть странной пульсирующей болью тело. Скорее ныло, словно после больших физических нагрузок. Почему, не могли объяснить даже врачи. Постепенно, до завтрака, боль проходила.

Он сел. Освещенные утренним светом стены, казалось, слегка качнулись и вернулись в исходное положение. Головокружение почти прошло. Совсем недавно он с трудом ходил.

Огляделся, словно попал сюда впервые. Так каждое утро. До конца не верилось, что дома. Часто снился именно такой сон, как он просыпается здесь. Первый раз еще на срочной, в учебке. Потом чаще. Вот родной письменный стол у окна, за которым делал уроки. Шкаф с любимыми книгами и парой снимков за стеклом. Коврик с незатейливым рисунком над кроватью, трехрожковая люстра да магнитофон на полке. В углу гантели. Все. Ничего не изменилось и не добавилось. Да больше сюда из вещей ничего и не войдет – хрущевка. В период «развитого социализма» люди получали заветные квадратные метры уже под старость. Она приходила вместе с внуками, и заселялись уже в большем количестве, чем предполагалось лет десять назад. Все шло по кругу. Свекрови пилили на тесных кухнях невесток, тещи скандалили по вечерам с зятьками, норовившими после работы задержаться с друзьями за кружкой разведенного водой пива, чтобы оттянуть возвращение в перенаселенную квартиру, кричали дети, стучали в стены соседи.

Пашка свесил с кровати ноги, нашарил ими тапочки, встал. Потянулся и посмотрел на часы. Только шесть. Комната стала казаться немного меньше. Неужели вырос? – усмехнулся он про себя. Вообще-то это ощущение появилось с тех пор, как он вернулся в нее. С войны. С одной на другую. На той было все понятно, да и шел добровольно. А здесь?

Стараясь не шуметь, прошел в ванную, открыл воду, плеснул пригоршню на лицо и посмотрел в установленное над раковиной большое круглое зеркало. Сколько он жил, казалось ему, что ничего в его внешности не меняется. По крайней мере, не мог этого заметить. Лишь худел или поправлялся. Кто из старых знакомых сейчас встречается, обязательно говорит, что он возмужал, стал солиднее, раздался в плечах или повзрослел. Однако все отмечают его взгляд. Будто какой-то не такой стал, а какой именно, непонятно. Он взгляделся в отражение глаз. Карие, левый чуть меньше правого. Попытался сделать лицо строже. Сдвинул брови к переносице, нахмурил лоб. Смешно, и только. Соломенного цвета волосы торчали в разные стороны. Он провел ладонью по голове. Надо подстричься. А то Фирсов обязательно съязвит. Павел его давно знает и ненавидит. Любое замечание в свой адрес с его стороны воспринимает болезненно. Еще оттого, что ничего нельзя в ответ сказать. Зависит он пока от этого начальника отделения. Сегодня в одиннадцать тот выдаст причитающиеся «боевые». Пусть с «откатом», зато сразу, без проволочек и все. А майор на двадцать пять процентов «комиссионных» собрался машину менять. Так и сказал: «Что бы я без вас, родные, делал?» Пашка уже отчаялся ждать, а тут он сам предложил. Поначалу еще боялся. Врал, будто все деньги, что он возьмет за услугу, придется передать более высокому начальнику. Себе шиш. Он просто людям помогает и вовсе не подлец. Однако вчера раскололся. Сболтнул, что главных над ним нет, а военком и так неплохо живет.

С того момента, как впопыхах перевязанного и обколотого промедолом Пашку внесли в Ханкале на борт самолета, прошел год. Спустя два дня он уже был в военном госпитале родного города. Через месяц с небольшим исключили из списков части и уволили в запас. И это невзирая на бессонницу, боли в спине, головокружение и еще не зажившие после последней операции на позвоночнике швы. Правильно, зачем платить деньги человеку, который уже не встанет в строй? Государство – не дойная корова. Тогда же, из госпиталя, его, как потерявшего связь с армией, перевезли в обыкновенную районную больницу с тараканами, ржавой водой в кране и скрипучими кроватями, на которые с потолка постоянно осыпалась известка. Реформы в медицине по системе ее министра шли полным ходом, и, едва очутившись на больничной койке, Пашка с ходу вкусил все их прелести. Началось все с того, что страховой полис у него не был перерегистрирован, и герой едва не вылетел за пределы лечебного учреждения. Кое-как мать сумела договориться и пообещала исправить ошибку. Тот месяц он лежал за деньги. Впрочем, с трудом оформленные документы и заверения одного из чиновников Департамента здраво-

охранения, к которому ходила на поклон мать, особого результата не принесли. Питался Пашка в основном домашней пищей. Лекарства по списку, который вручал со скучным лицом врач, приносили родственники. Когда он стал самостоятельно передвигаться, выяснил, что больница не такая уж и плохая, как казалось на первый взгляд. Стоило пройти обшарпанными коридорами с протертым до дыр линолеумом в другое крыло, как становилось ясно – страна быстрыми шагами идет к развитому капитализму. Светлое фойе с кожаными диванами и плазменным телевизором, улыбающаяся медсестра, палаты с окнами во всю стену. Досмотреть не дали. Появился амбал в синей униформе и выпроводил в «свое» отделение. Потом пришла Марина. Рыжая, с синими глазами, одетая в роскошное платье и в туфлях на высоком каблуке. Пашка в спортивных штанах с отвисшими коленками и больничной пижаме даже расстроился. Она приволокла целый пакет фруктов и минеральную воду. Без умолку тархтела, а он, делая вид, что слушает, затаив дыхание, любовался ею. Потом чмокнула в лоб и унеслась, оставив его размышлять над вопросом: что означал этот визит?

Они учились в параллельных классах. Пашка с раннего детства занимался сначала боксом, потом увлекся восточными единоборствами. Марина ходила в тот же спорткомплекс на теннис. Там и сошлись ближе. Жили в соседних домах, только у нее был «элитный», недавно построенный. Не чета хрущобам шестидесятых, где ютилась Пашкина семья. После школы она пошла в институт. Он попытался вместе с ней, но провалился на экзаменах, хотя школу окончил с одной четверкой. Она с трудом на тройки, но знания не играли роли. На первом месте были кошельки. В результате Пашка поступил в техникум, а когда окончил, его призвали в армию. Военком сразу сказал, что таких, как он, заждались в ВДВ. После учебки год в войсках. Написал рапорт на офицерские курсы. Не попал. Тогда люди нужнее были в Чечне, чем за партами. Заключил контракт – и вперед! Через три года без единой царапины уволился прапорщиком. Маринка уже училась за границей. Пашка помыкался в поисках работы и снова вернулся в армию. Второй раз попал на Северный Кавказ. Под конец командировки не повезло. Колонну обстреляли. Вдобавок ко всему машина, на которой ехал, оказалась рядом с установленным у дороги фугасом. Полный букет.

Пашка тщательно побрился и забрался под душ.

Несмотря на шум воды, услышал, как ходит по дому мать. Закашлялся в туалете, давясь дымом дешевых сигарет, отец.

– Доброе утро, сынок. – Мать выставила на стол плетеную вазочку с печеньем и стала разливать по чашкам чай.

– Я есть не буду, ма! – крикнул из прихожей Пашка, натягивая кроссовки. – Мне еще подстричься надо успеть.

– Да у тебя там нет ничего! – удивилась она. – Почти лысый. Чай, не в армии. Мог бы еще без стрижки обойтись.

Но этого, несясь вниз по лестнице, он уже не слышал.

В парикмахерской, по дороге в военкомат, Павел размышлял, как распорядиться деньгами. Сумма немаленькая. За ранения и боевые можно купить не только подержанный автомобиль, но и приодеться, и еще погулять.

«Надо обязательно Маринке подарить кольцо! – подумал он. – Нет, лучше цепочку и кулон. Кольцо может не подойти, а спрашивать размер – значит сюрприза не получится».

В военкомате, в окошке дежурного, сонным голосом с кем-то говорил по телефону прапорщик. В коридоре стояли две женщины. Не мешкая, Павел направился в кабинет с табличкой «майор Фирсов».

– О-о! – вставая из-за стола, протянул невысокий, с маленькими бегающими глазками майор. – Долгов! Минута в минуту. Небось с вечера за углом сидел?

– Больно надо, – фыркнул Павел, шаря взглядом по столу. Компьютер, пара красных папок, письменный прибор. Между тем Фирсов подошел к сейфу, открыл его и вынул какой-то бланк.

– Распишись. – Он положил его на стол.

Павел взял услужливо протянутую ручку и в графе «получил» поставил свою витиеватую закорючку.

– Еще здесь, – протянул майор, подсовывая следующий лист с распечатанным на принтере текстом. – ...И здесь!

Пальцы правой руки еще плохо слушались. Их кончиков он почти не чувствовал. С трудом расписавшись во всех документах, он выпрямился и вопросительно посмотрел на офицера.

– Все, свободен. – Фирсов взял листки, убрал их обратно в сейф.

– Не понял, – Павел растерялся, – а деньги?

– Какие? – майор удивленно захлопал глазами.

– Как какие! – охрипшим от волнения голосом выдал из себя Павел, чувствуя, как в голове загудело, а воздуха стало не хватать. – Я только что расписался!

– Вот дает! – Лицо Фирсова вытянулось от удивления. – Что ты несешь? Нигде ты не расписывался!

– Вы шутите? – не веря в происходящее, переспросил Павел.

– Какие могут быть шутки с контуженым человеком? – нахмурился Фирсов. – У меня что, сердца нет? Я с невропатологом и психиатром говорил. У тебя в голове одни дыры. Вчера ты приходил. Деньги получил, все до копеечки. Вот и бланк соответствующий имеется. Отдельно из-за тебя заводили. – Он вынул тот же лист, что только что убрал, и протянул Павлу: – Смотри, тридцатое мая. А сегодня тридцать первое. Его, кстати, надо срочно в финчасть сдать.

– Я вчера действительно был, – догадавшись, что майор попросту забыл, о чем речь, и сейчас что-то путает, воскликнул Павел. – Мы договорились, что за двадцать пять процентов вы мне выдадите все деньги.

– Ты что, очумел?! – Фирсов не мигая уставился Павлу в глаза. – Ты меня за кого держишь? Чтобы я на кровью заработанных деньгах свое счастье строил? Тебя кто, РУБОП отправил? Да я сейчас тебя в психушку упеку! – Он бросился к телефону, взял трубку и выжидающе уставился на Пашку: – Ты еще здесь?

– Отдай, падла, мои семьдесят пять процентов! – стиснув зубы, выдал из себя прапорщик запаса.

Майор сел и задумчиво уставился на Павла:

– Не понимаешь по-хорошему?

– Я вчера с родителями приходил, – соврал Павел. – Они меня на улице ждали. Могут подтвердить, что ничего я у тебя не брал.

– Ладно. – Майор натянуто улыбнулся, положил трубку обратно и встал из-за стола. – Я же пошутил. Ты разве не понял? Наукой тебе будет на будущее. Жалко мне вас, вот таких, которые с войны приходят, а на «гражданке» ломаются. Это тебе хороший урок. Много еще подобных преподнесет эта вонючая жизнь. – С этими словами он открыл сейф и вынул пакет.

– Спасибо, – промямлил Пашка, твердо уверенный в том, что майор врет, и убрал пакет в карман. Видно – поговорил он с врачами, это правда. Те и сказали, что никудышный Пашка теперь человек. С головой плохо. Он и решил счастья попытать. Не тридцать тысяч получить, а все сразу.

– Опять?! – нарочито громко воскликнул Фирсов. – Пересчитай!

Уставший от событий Пашка снова вынул конверт, приоткрыл. Увидел несколько перетянутых банковской лентой пачек и одну разорванную, вздохнул, сунул обратно.

– До свидания.

Глава 2

Вечерело, когда Анди Салгариев миновал подряд два моста, расположенных в нескольких километрах друг от друга, через речку Теберда, пересек по главной улице небольшое село и подъехал к милицейскому посту, на въезде в Сары-Тюз.

Увидев приближающийся «УАЗ», от группы что-то обсуждающих милиционеров отделился один, ткнул в него жезлом и показал на обочину. Анди включил правый поворот и остановился. Трое сотрудников, не обращая внимания на действия своего коллеги, направились к небольшому двухэтажному строению. Они громко спорили и размахивали руками. Их товарищ в это время остался один на один с абсолютно незнакомым человеком.

«Шакалы! Совсем ничего не боятся. Если бы я был здесь старшим, разве так они бы себя вели? – глядя на молодого сержанта, думал он. – Сами создают условия, чтобы на них нападали. Потом плачут».

Было душно. Анди взял документы и вышел из машины.

– Куда направляемся? – спросил милиционер, разглядывая пластиковую карточку прав.

– В Хурзук, – ответил Анди, – к сестре.

– Машину только вчера купил? – удивился сержант, когда очередь дошла до документов.

– Ну и что здесь такого? – вопросом на вопрос ответил он.

– А почему нервничаешь? – сощурился блюститель порядка и сверху вниз посмотрел на чеченца.

– Устал.

– Недавно едешь, – хмыкнул сержант.

– Тяжело с одним глазом. – Анди тронул нижнее веко пустой глазницы.

Милиционер уже потерял интерес к калеке. Начальственный вид сменился равнодушным. Он зажмурил один глаз и посмотрел поверх головы Анди:

– Правда неудобно.

– Ничего, – беря документы из рук сотрудника, улыбнулся Анди. – Я уже привык маломало. Вначале трудно было. Натыкался на предметы. Даже не сразу научился быстро проходить в двери.

– А если не секрет, что случилось? – Милиционер хотел было остановить мчащуюся на приличной скорости «БМВ», но передумал и вернулся обратно.

– Несчастный случай, – не моргнув единственным глазом, стал врать Анди. – На стройке работал. В котлован свалился, на арматуру упал.

– Ты чеченец? – зачем-то спросил милиционер.

– А что?

– Врешь, наверное, – спокойно ответил сержант и направился прочь.

– Шакал! – зло процедил сквозь зубы Анди, глядя ему в спину. Затем посмотрел на верхний этаж небольшой вышки. Там маячили силуэты поднявшихся сотрудников милиции. Он плюнул и развернулся к машине.

Глаз у Анди был слабым звеном. Из-за него к нему привязалась кличка Циклоп. Увечье стало результатом взрыва авиабомбы в середине девяностых. Особая примета заставляла быть осторожным. В его положении хотя бы раз попасть в поле зрения правоохранительных органов – значит потерять все. Анди не блистал выдающимися физическими данными. Среднего роста, сутуловатый, лицо болезненно серое. Кто бы мог подумать, что за этой внешностью скрывается хитрый и коварный командир особой диверсионной группы? Его жизнь круто изменилась после второй попытки заокеанских стратегов взять реванш на Кавказе. Он с трудом бежал. Сначала в Грузию, потом в Турцию. В Стамбуле Анди случайно познакомился с рыжеволосым англичанином, которого заинтересовало увечье. Тогда, еще не зная, что перед ним представи-

тель английской разведки, чеченец принял его за журналиста и сказал, что пострадал в войне с русскими оккупантами. Каково же было удивление Анди, когда спустя несколько дней его пригласил в свои апартаменты Ата Алших. Он был наслышан об этом человеке, но никогда не думал, что его персона чем-то заинтересует араба. В просторном кабинете присутствовал уже знакомый англичанин. Ата Алших поприветствовал гостя и стал рассказывать о нем рыжему, словно всю жизнь следил за ним. Анди поразила осведомленность араба о его делах на Кавказе. Он подробно описал, как чеченец организовал и провел акцию устрашения чеченских милиционеров одного из райотделов, сровняв с землей дом начальника, вспомнил о славных подвигах в первую войну. В общем, дал понять англичанину, что перед ним настоящий воин, а Анди намекнул, что он всегда под контролем. Но больше поразило то, как Ата Алших, казавшийся ему недостижимым для обыкновенного смертного, ведет себя с обычным с виду англичанином. Несмотря на то что на его госте была надета обычная рубашка, которую можно купить в любом магазине для людей среднего достатка, и потертые джинсы, араб говорил с ним на равных, позволяя называть себя на «ты» и перебивать!

Поначалу Анди не понимал, зачем его рекламируют. Но вскоре все встало на свои места. Англичанин без обиняков предложил ему заняться подбором кадров среди выехавших за пределы России людей для обучения в лагере подготовки террористов. Конечно, это учебное заведение так никто вслух не называл, подменяя определение диверсионной школой. Были предложены хорошие деньги, и вскоре Анди с головой окунулся в эту работу. Постепенно с его помощью укомплектовали и подготовили группу, которая вернулась в Россию. Все крупные города объединяла хорошо законспирированная, автономно существующая сеть, и он со своими моджахедами стал ее составной частью. Все диверсанты трудоустроивались и принимались зарабатывать себе авторитет добропорядочных граждан. Изредка поступали команды на проведение незначительных операций, которые носили устрашающий характер, но не более. Анди был неглупым человеком и прекрасно понимал, когда наступит день для всех тех, кто в разное время прошел через различные лагеря и центры. Россия была на пороге выборов. Удары готовились на всех направлениях. Группы, находящиеся на территориях с большой плотностью мусульманского населения, проводили работу по созданию экстремистских организаций. Все делалось таким образом, что со стороны могло показаться, будто все эти группировки возникают самостоятельно. Но на самом деле за их появлением стоял титанический труд небольшого, хорошо законспирированного коллектива. Первыми итогами работы Анди на Западе были довольны. Неделью назад на связь вышел человек Ата Алшиха и приказал провести акцию в Карачаево-Черкесии. Несмотря на то что араб не приветствовал его непосредственное участие в подобных мероприятиях, на этот раз он решил возглавить операцию. Анди знал: за ней последует серьезная работа. Поэтому надо держать форму и авторитет среди людей.

Он хорошо изучил местность, где сейчас приходилось ехать. Через километр, справа от трассы, небольшое село. Там один черкес, по местным меркам богатый коммерсант, развернул большое строительство. Два огромных дома для себя и сына. У заправки, которая принадлежит ему, уже возвели магазин. Нанятые им строители живут в уцелевшем помещении конторы на территории давно брошенной и пришедшей в запустение МТС. К ним можно проехать по переулку, между забитыми разным хламом сараями.

Он свернул с шоссе, пересек небольшую балку и выехал на проселок, тянувшийся через заброшенный, погрузившийся в сумерки сад. Впереди замаячили огни домов. Сбавил скорость, последний раз обдумывая, все ли он учел для воплощения в жизнь своего плана. Вскоре дорога уперлась в едва держащиеся на столбах железные ворота. Он вышел из машины и пошел вдоль забора. Через пару десятков метров протиснулся в щель между двумя покосившимися бетонными плитами. Вот и жилище шабашников. Он облегченно вздохнул. Те уже закончили работу и сейчас отмечали конец трудового дня. Была суббота. В единственном выходящем на эту сторону окне горел свет. Пройдя через пристройку, заваленную инструментом, мешками

с цементом, раковинами, трубами, и едва не свернув себе шею из-за оставленной у дверей ванны, он вошел в дом.

Трое мужиков сидели за установленным посредине комнаты столом, на котором дымилось в огромной почерневшей сковородке жаренное с луком мясо. Нарезанный толстыми ломтями хлеб лежал на обрывке газеты. Рядом стояла банка с огурцами и две бутылки водки. Другой картины он здесь увидеть и не надеялся. Даже время рассчитал так, чтобы застать мужиков в самом начале пьянки. Они еще могли самостоятельно передвигаться, но уже плохо соображали.

– Салам аллейкум! – поприветствовал он с порога, изобразив на лице радость. Впрочем, он действительно обрадовался. Ситуация складывалась в его пользу. Пока никаких неожиданностей, как это обычно бывает.

– О! – захмелевшим голосом протянул самый крупный и авторитетный среди шабашников Мукин. – Дельшот! Как раз к столу! Присаживайся. – Он толкнул в бок сидевшего рядом паренька в майке.

Тот соскочил с места, бросился в угол и притащил оттуда табурет.

– Э-э, спасибо. – Анди прижал руку к груди и сделал лицо виноватым. – Не могу. Мне помощь ваша нужна. За десять минут работы хорошие деньги плачу!

– Давай утром?! – окинув тоскливым взглядом стол, предложил Мукин. – А сейчас, – он развел руками, – сам видишь!

– Да вы не поняли! – Анди подошел ближе. – Здесь недалеко, на дороге, с одной машины на другую надо трансформатор перегрузить.

– У-у, – протянул Ганя, самый старший по возрасту, щуплый мужичок с отвисшим, как у индюка, носом. – Втроем тяжело!

– Нет. – Анди заволновался. – Сварочный он.

– А, – протянул Мукин. – Так бы сразу и сказал. Только зачем? – Он тянул время, чтобы выпить. Ему страшно не хотелось уходить от стола. Но и отказать чеченцу, который уже договорился с ним о следующей шабашке, не мог.

– Говорю же, везли на одной машине, сломалась.

– Айда, мужики! – махнул рукой Мукин, решительно поднимаясь из-за стола. – Быстренько поможем и обратно. Ты довезешь?

– Конечно. – Анди часто закивал. – У меня и водка в машине есть. У брата сын родился. Заодно отметим.

– Ну, поздравляю с племянником. – Мукин расплылся в улыбке и протянул пятерню.

Когда все уселись в «УАЗ», Анди завел двигатель, сдал назад, выехал на проселок.

– Десять минут туда, десять обратно, через полчаса будете дома, – успокоил он мужиков, ловко управляя машиной левой рукой, правой залез в бардачок и достал оттуда обернутую в полотенце бутылку. – Держи! Там еще лук, хлеб, мясо есть.

– Давай сначала дело сделаем, а потом уже бабахнем. – Мукин поставил бутылку между ног на сиденье.

– Хорошо, – пожал плечами Анди. Он знал, как выкрутится из положения. Сейчас проедет за село и сделает лицо удивленным. Скажет, что машина уехала. Наверняка водитель смог починить, пока он ездил за строителями. Съедут с шоссе, устроятся на капоте и отметят «рождение племянника». В бутылке лошадиная доза транквилизатора, который в сочетании с алкоголем намертво отключает человека. Втащить этих работяг обратно в машину – дело пяти минут.

* * *

– Идет! – Шаман тронул Дрона за локоть. Василий оттолкнулся от раскаленного капота «БМВ» и развернулся в сторону проходной госпиталя.

Вахид Джабраилов шел один.

– Почему без Стропы? – Лицо Шамана вытянулось от удивления.

– Время сколько? – Дрон с шумом перевел дыхание, поморщился и сам же ответил на свой вопрос: – Десяти нет. Еще обход не закончился. Кто его выписывать будет?

Подошел Вахид и подтвердил его предположение:

– Рано приехали. – Чеченец виновато развел руками. Его сросшиеся на переносице брови поползли выше, на середину разделенного пополам глубокой складкой лба. Он виновато посмотрел сначала на Василия, потом на Шамиля и почесал массивный, квадратный подбородок: – Извини, Вася. После двенадцати надо.

– Удружили, черти нерусские. – Дрон с головы до ног окинул осуждающим взглядом сначала Джина, потом Шамана.

Сегодня Вахид Джабраилов и Шамиль Батаев ни свет ни заря заявили к нему домой и с порога, не дав Василию прийти в себя, объявили, что нужно ехать забирать из госпиталя Стропу. Лече Истрапилов из последней командировки на Кавказ вернулся с двумя ранениями. На днях намечался очередной выезд. Куда, пока было неизвестно, но из-за этого в городе даже прервали занятия по оперативному мастерству. Можно сказать, небольшие учения с ФСБ, где смежники играли роль террористов.

Чеченцы попали в группу в разное время из милиции. После того как их отобрали по морально-деловым, физическим и психологическим качествам, перебрав не одну сотню кандидатов, ГРУ спланировало и провело операции, итогом которых у них на родине стало появившееся мнение, будто все трое либо предатели, либо похищены и убиты боевиками. Вахид Джабраилов по прозвищу Джин пришел капитаном, уже здесь стал майором. Неразговорчивый и рассудительный, он был самым старшим среди земляков. Шамиль Батаев чуть ниже его ростом и моложе. Короткая стрижка, дугообразные брови и слегка вытянутое лицо. В группе за ним закрепился позывной Шаман. Среднего роста, худощавый, с волнистой шевелюрой и орлиным носом, Истрапилов Лече заменил погибшего полтора года назад брата Шамана, Ису. Тот, вместе с отцом, был убит в Грозном. Чеченцы в группе Филиппова участвовали во всех операциях, как на территории России, так и за рубежом. Они легко входили в доверие к боевикам, могли выдавать себя за представителей этнической преступной группы. Безукоризненное знание языка, менталитета, традиций горских народов делало их во многих операциях незаменимыми. Одновременно им приходилось учиться. Первичный курс подготовки для офицеров, пришедших из войск, длился не менее года. Это с учетом того, что для этой работы людей искали во всех Вооруженных силах. Они должны были соответствовать жестким стандартам. Быть как минимум кандидатом в мастера по военно-прикладным видам спорта, иметь отменную память, крепкое здоровье, знать пару языков стран вероятного противника, хорошо ориентироваться в любой обстановке, уметь быстро принимать решения, обладать актерскими способностями. Всего и не перечить. Из нескольких тысяч отбиралась сотня, которая таяла по мере собеседований, комиссий, тестирования и других испытаний. На начальном этапе кандидаты попадали в различного рода экстремальные ситуации, сами не подозревая, что участвуют в жестком отборе. Лишь оказавшись в десятке лучших, узнавали, участниками какой игры стали. После этого их, под разными предложениями, собирали в одном из учебных центров Генерального штаба и спрашивали, желают ли они только лишь попытаться сдать экзамены для прохождения обучения по специальной программе. Как правило, из этой группы две трети все равно возвращались обратно в свои округа. Можно только представить, каких усилий сто-

ило чеченцам держаться на одном уровне со своими новыми коллегами. Большую роль в этом играли кавказская гордость и самолюбие.

Дрон некоторое время молчал. Джин отвел взгляд в сторону. Ему было неловко, что испортил редкий выходной, рано поднял товарища и вынудил ехать через весь город. Своих машин у чеченцев пока не было. Жили они в районе, где Василий получил квартиру. Поэтому ему частенько приходилось выручать их «колесами». Но Джин волновался не только из-за того, что создал проблемы Дрону. Он знал: теперь Василий обязательно по этому поводу выскажется. А это самое неприятное. Он никогда не лез за словом в карман и всегда находил точное и тонкое определение тем или иным поступкам своих товарищей. От его афоризмов надолго портилось настроение и пропадал аппетит.

– Ну, что ты, паскудник, теперь скажешь? – наконец выдавил из себя Дрон. – Решил поссорить меня с Ольгой? Все никак не успокоитесь, что такую жену отхватил? Завидуете?

– Как это? – еще не заподозрив подвоха, насторожился Джин.

– Просто. – Василий сплюнул. – Я обещал ее сегодня на работу отвезти. Теперь она шлепает своим ходом по жару. Наверняка меня на чем свет стоит ругает. И это в какой раз?

– Третий, – на секунду задумавшись, ответил за Джина Шаман. – Зимой родственника встречали, потом...

– Короче, ждите. – Он хлопнул Джина по плечу. – Я через два часа подъеду. Как раз Стропа оформится. Здесь за перекрестком кафе. Можете посидеть там.

С этими словами он забрался за руль и закрыл за собой дверцу. По поводу Ольги он приврал. Ей не надо было сегодня на работу. Она взяла выходной за дежурство и собиралась сходить в парикмахерскую. Дрон, пока был занят работой, не задумывался, где находится и что делает вторая половина. Однако, едва появлялось свободное время, он начинал ревновать, хотя поводов она не давала. Сероглазая шатенка разрушила его представление о том, что красивая внешность характерна для глупых женщин. Ольга работала врачом, была прекрасной хозяйкой и собеседницей. Как и Василий, в карман за словом не лезла. Иногда ее ответы на некоторые вопросы ставили в тупик даже его.

Причиной сегодняшней обеспокоенности был стилист по имени Данила. Его имя слетело с уст супруги накануне вечером в разговоре по телефону с подругой, а именно женой Филиппова. В принципе ничего особенного. Ольга хвалила парикмахера и говорила, что собирается завтра к нему. Однако то, как она произнесла его имя, заставило Дрона погрузиться в тяжелые мысли. Результатом этого стало открытие, что не один он такой красивый по этой земле ходит и надо бы навестить этого Данилу. Провести, так сказать, рекогносцировку, а если что, разведку боем.

Спустя час, треть которого Дрон потратил на стояние в пробке, он прижался к бордюру напротив салона красоты «Стиль». Окинул взглядом старинное трехэтажное здание, построенное из красного кирпича, вышел из машины и вынул сотовый телефон.

– Как дела, дорогая?

– Нормально. Ты где?

– В Бурденко.

– Скоро домой?

– Не знаю. – Дрон поднялся по ступенькам и потянул массивную бронзовую ручку на себя. – Как получится. А ты когда освободишься?

– Через пару часов буду дома.

– Что сейчас делаешь?

– Сажу в салоне.

– Понял! – Он вошел в просторный холл.

На установленных вдоль стен диванах сидели несколько женщин разных возрастов. Напротив две двери. Они были открыты. Он прошел и заглянул сначала в одни. Поморщился.

Здесь делали маникюр и педикюр. Мастер, милостивая девушка, склонившись над небольшим столиком, держала в руках пухлую ладошку дамы бальзаковского возраста и ловко работала пилкой. Ноги модницы стояли в ванночке с водой.

– А вы мужчин обслуживаете? – не удержался он.

– Записывайтесь. – Мастер подняла голову и улыбнулась.

– Вахид Джабраилов, – почти по складам продиктовал он.

– Я думала, вы шутите. – Девушка извинилась перед клиенткой, встала со своего места и отошла к столу: – Повторите, пожалуйста.

– Джабраилов Вахид. – Дрон повеселел, одновременно размышляя, как заманить чеченца в это заведение.

– Завтра сможете?

– Нет, желательно сегодня, во второй половине дня. Это, кстати, вы записали моего начальника. Он ночью улетает в командировку. Желает привести себя в порядок.

– Хорошо, – девушка закрыла тетрадь и вернулась к столику. – В пятнадцать. Устроит?

– Конечно. – С этими словами он развернулся и направился к другим дверям. Здесь была парикмахерская. У кресел суетились три мастера. Среди них только один мужчина. Но подстригал он не Ольгу. Дрон почувствовал, как в груди екнуло.

«Обманула?» – он оглянулся. Поджидавшие своей очереди дамы настороженно смотрели на странного клиента. Дрон вновь развернулся к дверям:

– А я могу увидеть Данилу?

– Кого? – Парень с несуразно торчащими в разные стороны волосами поднял на него изучающий взгляд.

– Данила вы?

– Да. Что изволите?

– На минуту подойди. – Василий почему-то разозлился на этого худощавого, с чудачковатой прической паренька. Он даже почувствовал ревность. Ведь этот тип трогает волосы его жены, прикасается к ушам, шее. Он на секунду зажмурился и открыл глаза. Парень стоял перед ним, вытирая полотенцем руки.

– Ты Ольгу знаешь?

Он неопределенно пожал плечами:

– У меня много клиентов.

Дрон вдруг вспомнил, что в портмоне у него есть фотография. Он быстро вынул его из заднего кармана брюк и сунул снимок под нос парикмахеру.

Лицо «цирюльника» просветлело:

– Конечно. – Он посмотрел на часы. – Ушла час назад.

– Да?! – рявкнул Василий. – Может, ошибаешься?

– Я? – Парень покачал головой. – Исключено. У нее родинка за правым ухом.

Лучше бы он этого не говорил. Василий прекрасно понимал, что мастер в силу своей профессии запомнил приметку знакомой головы. Но в душе все перевернулось, словно он сказал, что родинка была на ягодице или под лопаткой.

– Значит, была...

– А что, собственно, произошло?

– Ты знаком с ней лично? – Василий решил попытаться узнать больше. Обычно женщины, когда коротают время в подобных заведениях, бывают откровенны.

– В каком смысле? – Парикмахер захлопал глазами.

– Молодой человек! – неожиданно с нотками недовольства в голосе окликнула Данилу его клиентка. – Вы работать будете?

– Да, сейчас, – ответил за него Дрон и взял парня за локоть. – Кто муж, где живет, чем занимается, говорила?

– Не. – Он покачал головой. – А что?

– Учти, эта женщина в розыске. Мужиков цокает за здорово живешь. Маньячка. Как появится...

– Понял. – Парень стал пятиться к потерявшей терпение клиентке. – По виду не скажешь. А куда звонить?

– Ноль два, – с этими словами Дрон решительно направился к выходу с твердым намерением выпустить пар. Делал это он просто. Часами носился по Москве.

Почему Ольга его обманула? – свербил и не давал покоя вопрос Василию, пока он садился в машину, заводил двигатель и отъезжал от тротуара. Он перебрал причины, из-за которых жена назвала неверное место своего нахождения. Мысли были одна мрачнее другой. Как бы то ни было, но, вводя таким образом человека в заблуждение, пытаются скрыть истинное положение дел. Значит, этому самому человеку о них знать не положено. Причина? Стара, как притча о Дездемоне и мавре.

Он с трудом успел проскочить на «красный» перед самым носом трамвая. В голове роились самые страшные предположения. Но, как он ни старался, не мог представить Ольгу в объятиях другого мужчины. Вскоре он уже мчался по Ленинградскому шоссе в сторону Кольцевой, управляя машиной автоматически. Голова была занята анализом поведения Ольги. Он вспоминал все, до мельчайших подробностей. Когда уходила, кому звонила, как одевалась. Постепенно Дрон пришел к выводу, что последние несколько дней она немного не такая, как прежде. Василий был наблюдательным и вскоре нашел несколько отличительных моментов. Она перестала успевать накрывать на стол к его приходу. Стала раздражительной. Нет, на нем это никак не отражалось. Просто он сейчас вспомнил, как она вела себя, когда они покупали продукты в супермаркете. Девушки, сидевшие на кассах, пробивали товар, одновременно обсуждая какой-то фильм. В результате Ольга оставила тележку с покупками и ушла. Пришлось идти в другой магазин. На следующий день сделала замечание курившему на площадке соседу. Сначала он не особо придал этому значение. В конце концов, причиной такого настроения могла стать жара. Все были на пределе. Теперь эти вещи выглядели по-другому.

От размышлений Дрона отвлек поравнявшийся слева «Ниссан». Сидевший за рулем парень с тройным подбородком отчаянно сигналил и крутил пальцем у виска.

Василий посмотрел в зеркало заднего вида. Ничего особенного. Снова перевел взгляд на парня. Тот махал рукой, давая понять, чтобы Василий остановился.

– Что за чертовщина? – удивился Дрон, включил правый поворот, сбавил скорость и съехал на обочину.

– Ты что, пьяный?! – Владелец джипа оказался огромным. Он едва выбрался из своей машины. Мокрая от пота рубашка была выпущена поверх шорт, из которых торчали волосатые ноги.

– Не ори, – заметив, как с заднего сиденья выбираются еще двое, приструнил его Василий. – Что случилось?

– Ни фиги себе! – воскликнул высокий брюнет с серьгой в левом ухе. – Мы за ним почти от самого центра гонимся, а он еще спрашивает!

– Шаркнул ты меня на светофоре. – Толстяк нагнулся и шлепнул ладонью по боку машины. – Видал? Или отпираться будешь? Почему тогда убежал?

– Да вот, у него даже краска на крыле осталась, – прогнусавил лысый коротышка. Он вышел и сразу встал справа от машины Дрона. Василий догадался: парни заметили, что он несется как проклятый, и решили развести на подставу. Как ни странно, желание сорвать на ком-то злость прошло. Тем более перед командировкой это опасно. Он просто собирался успокоить нервы ездой по Кольцевой. В такое время там нет пробок и можно развеяться. Дрон прекрасно знал, что нельзя оставлять в себе негативные эмоции. Нужно постараться спокойно

пережить неприятное событие, а если не получилось, тогда нагрузить себя физическим трудом. Вымещать зло на других – последнее дело.

– Короче, пять косарей – и разбегаемся! – Хозяин джипа упер руки в бока.

– Ты чего, Стас! – возмутился коротышка, которого Дрон окрестил про себя Гномом. – Мы в другую сторону ехали. А пришлось за этим клоуном гоняться. Накинь сотню за моральный вред!

– Я вам сейчас физический устрою. – Дрон двинул на толстяка. – Считаю до трех, вы садитесь в машину и уезжаете. Нет – придется катить отсюда на казенной тачке с красными крестами.

– Ты че, лох сраный! – выпятив нижнюю челюсть, шагнул навстречу Дрону верзила. – За базаром следи!

– Значит, не поняли? – на всякий случай уточнил Дрон и посмотрел на дорогу.

Водители проезжающих машин не обращали внимания на остановившихся поболтать молодых мужчин на дорогах тачках. От тротуара, по которому сновали люди, это место закрывали заросли акаций и тополей. К тому же проезжая часть была отгорожена небольшим заборчиком из труб.

Дрон сделал к верзиле шаг. Почему-то ему захотелось изменить форму челюсти этого человека. Он подумал, что не последнюю роль в характере людей играет внешность. Вот привык с детства этот отморозок, что его вид вызывает у многих страх, и пользуется этим. Он ударил в подбородок левой. Не сильно, но резко. Однако дальше с удивлением и запоздало понял, что не попал. Верзила ушел под локоть, схватил левой рукой за запястье вытянутой руки и кулаком правой двинул в бок так, что из носа Василия вылетели сопли. Он даже удивился: откуда в такую жару они у него взялись? Проявив незаурядную для своих габаритов прыть, подскочил толстяк и залепил огромной, мягкой ладошкой в левое ухо. В голове зазвенело. За спиной толстяка уже суетился Гном. Ему не хватало места, чтобы протиснуться с фронта, и он устремился вокруг.

«Вот это да! – подумал про себя Василий. – Еще немного, и умоют позором!»

Запястье Василия верзила уже держал двумя руками и пытался завести руку за спину. Дрон почувствовал хруст связок.

«Еще не хватало, чтобы выезд сорвался из-за травм, полученных от этих сопляков», – мелькнула следующая мысль. Но сам решительно ничего не предпринимал. Он тянул время, давая возможность этим троим негодьям от души поизмываться над собой. Василий даже получил удовольствие от оплеухи толстяка. Почему, пока не было времени подумать. Может, просто хотелось, чтобы кто-то побил. На Руси давно бытует мнение, что от этого становится больше ума. Не исключено, что сработал инстинкт. Василия отец в детстве порол. Как сам говорил, ему от своего папеньки доставалось. Прадед тоже был скор на расправу. В общем, все родственники по мужской линии без зуботычин не обходились.

Гном наконец выбрал плацдарм для атаки. Он все-таки оказался позади и не придумал ничего лучше, чем пнуть Дрона ниже спины.

– Ну, вот вы и допрыгались! – процедил сквозь зубы Василий, одновременно освобождаясь от захвата кувырком вперед. Едва коснувшись плечом асфальта, он сгруппировался и перекатился. Парень, которому практически удалось провести удержание левой руки, оказался ни с чем. Зато Василий очутился под ногами толстяка, одновременно увеличив вдвое расстояние с Гномом. Мгновение – и он на ногах. Прямо перед ним блестящее от пота, заплывшее жиром лицо. В маленьких щелках глаз растерянность и страх. Толстяк отпрянул, оказавшись на наиболее удобном расстоянии для атаки руками. Пушечный удар в правую половину лица оторвал килограммы жира от асфальта и отправил прямехонько под колеса проезжавшего мимо «Опеля». Раздался скрип тормозов, звон битого стекла и скрежет. Ехавший за «Опелем» микроавтобус не соблюдал дистанцию. Дрон не стал смотреть, что стало с владельцем джипа. Он

развернулся к верзиле и довел свое дело до конца. Носок кроссовки врезался аккурат в подбородок, опрокинув забияку на спину. Гном оказался отнюдь не трусом и подлецом, как поначалу подумал о нем Василий. Он отважно бросился на него. Василий убрал корпус вправо, оставив на пути нападавшего в виде препятствия ногу, и когда тот споткнулся о нее, добавил подзатыльник. Рухнув пластом на асфальт, парень завыл. Василий облегченно перевел дыхание, отряхнул руки и снова развернулся к толстяку, который чудом не оказался под колесами «Опеля». Свернувшись калачиком, эта груда жира жалобно скулила. Водитель успел в последний момент затормозить. Правда, сам пострадал, но наружу в отличие от владельца въехавшего в зад микроавтобуса выходить не торопился. Тот, напротив, словно обрадовался аварии. В темных очках, кепке с длинным козырьком, майке, под которой арбузом топорщился живот, клетчатых бриджах и пляжных тапках, он вывалился из дверей с бейсбольной битой в руках. Окинул взглядом повреждения, прошел мимо «Опеля» и наклонился к толстяку:

– Ты че, падла, кузнечик дребаный, под колеса прыгаешь? – Ткнув ему тупым концом палки под ребра, он выпрямился, посмотрел на Дрона и перенес свой гнев на владельца «Опеля»: – Чего, гризли, там сидишь? Вылезай!

Двери открылись, и из-за руля выбрался щуплый кучерявый мужчина.

– Извините, я не нарочно.

– Слышь, ты, конь в пальто. – Бугай развернулся к Дрону. – Сейчас менты приедут, крайним меня сделают! А ведь ты виноват.

– Что ты этим хочешь сказать? – Василий прищурился.

– Бабки гоните!

– Вон под колесами тело лежит, он начал. – Дрон брезгливо сплюнул. – Так что вы уж тут как-нибудь сами. – Он отошел и толкнул в бок сидевшего на асфальте Гнома. – Твоих дружков, как окончательно в себя придут, вразуми, что, если какие ко мне претензии будут, найду и порву. А пока все. Номер я ваш запомнил, рожи тоже.

С этими словами он уселся в свою машину.

Глава 3

Пашка вышел из военкомата с двояким чувством. Радовало то, что эпопея с обиванием порогов закончена. Теперь можно заняться поиском подходящей работы, раздать долги, в которые влезли его родители, пока он валялся в больнице, и заняться личной жизнью. Но в душе остался неприятный осадок от общения с Фирсовым. Что это было? Неумелый солдафонский розыгрыш или все же майор пытался понять, как поведет себя Павел, если не отдать ему деньги?

Он сунул руки в карманы брюк и шагнул с крыльца. Неожиданно, в последний момент, боковым зрением, заметил в окне человека в военной форме. Павел повернул к нему голову и на секунду замер, словно кто-то невидимый схватил его сзади. Это был Фирсов. Он о чем-то говорил по сотовому телефону. Странное, непонятное ощущение, от которого пробежали по спине мурашки, на мгновение парализовало волю. Он ощутил себя солдатом-первогодком на плацу, которого окликнул суровый командир. Несмотря на жару, окна были двойными. Стекло не давало разобрать слов и скрадывало выражение лица. Военкомат располагался в старом, одноэтажном, довоенной постройки здании и так врос в землю, что подоконники были почти на уровне бедер. А может, наоборот, наложенные из года в год слои асфальта, неровные кромки которых, словно толстые, подгоревшие блины, упирались в фасад, создавали такой эффект? Тротуар между бордюром и выкрашенной в красный цвет стеной был продавлен и походил на желоб или распиленную вдоль гигантскую трубу. Майор стоял в каких-то паре шагов и глядел прямо на Павла странным, нехорошим взглядом. От этого ему сделалось не по себе и неловко, словно его застали за подглядыванием. Почему-то показалось, что этот майор говорит по поводу его персоны. Он постарался быстрее пройти злополучное окно. Дошел до угла, перебежал на другую сторону улицы и свернул в проезд. Здание военкомата находилось посреди глухого и тесного двора. До шоссе нужно было пройти мимо мусорных баков, отделенных от фасада старого дома наполовину развалившейся кирпичной стенкой, миновать захламленный двор пустующей пятиэтажки и пересечь строительную площадку.

«Может, заскочить в магазин да купить шмотки?» – неожиданно мелькнула мысль. По пути располагался приличный торговый центр. Пашка уже несколько раз навещался туда, изучая ценники и материал.

– Эй, брат! – Окрик из чернеющего пустотой дверного проема подъезда заставил замедлить шаг. В груди неприятно защекотал легкий страх. Место было безлюдным. Вокруг только брошенные строения, и людей никого.

«Чего это я? – неожиданно Павла охватила злость. Страх и унижение в военкомате требовали выхода наружу. – Это же сопляки! Кто они против меня? Что в жизни видели?»

Несмотря на утреннюю слабость и периодическое головокружение, Павел уже не считал себя больным. Он с завидным постоянством совершал пробежки, упражнялся с гантелями. По крайней мере, дать отпор двум разгильдяям сможет наверняка.

Тем временем, бросая по сторонам настороженные взгляды, двое крепко сложенных парней быстро шли наперерез. Они выглядели моложе, но оба выше Павла ростом. У шедшего первым была покатая спина, мощные плечи, рассеченные брови, а лоб словно надвисал над глазами. Широкий нос когда-то был перебит и казался немного смещенным вправо.

«Наверняка боксер», – подумал Павел и перевел взгляд на второго.

Этот казался чуть ниже своего напарника. Из-под кепки с длинным козырьком выбивались рыжие волосы.

– Чего надо? – Павел отступил на шаг.

Еще в Чечне Пашка слышал, что многие его сослуживцы нередко становились легкой добычей подонков, специализировавшихся на том, что грабили у выплатных пунктов кон-

трактников, получивших свои командировочные. Поначалу в такие байки верилось с трудом. Это каким же нужно быть негодяем, чтобы отобрать заработанные кровью деньги? Пашка считал, что рассказывающие подобные страшилки сослуживцы попросту промотали в первые несколько дней все деньги, а потом грешили на воришек. Так думал, пока об этом не стали говорить по телевизору. Сейчас, увидев этих двоих, он пожалел, что отправился в военкомат один. Да ладно, что уж там! Сколько Пашка себя помнил, он никогда не проигрывал ни в уличной драке, ни в ринге. Специфика службы в полковой разведке тем более не позволяла расслабляться. Гоняли как бобиков. Плюс сама по себе армия дала многое. Он никогда не курил, отрицательно относился к употреблению спиртного, до ранения, по мере возможности, держал себя в хорошей форме. Сейчас попросту надо быстро поставить их на место. Долгой схватки он может не выдержать. Не играть, а сразу бить наверняка. Вяжешься в затяжную потасовку, пропустишь удар в голову – хана. Павел выделил из этой парочки самого опасного, коим, конечно, был крепыш с характерными для боксера признаками, и решил сосредоточить внимание на нем.

Но парни не спешили нападать. Один на ходу сунул руку в карман. Павел напрягся. Но тот достал пачку сигарет.

– Спички есть?

«Ну я и паникер»! – повеселел Павел и развел руками:

– Не курю.

Однако было в действиях этих двоих что-то настораживающее, не укладывающееся в логику. Они продолжали идти. Но как-то нерешительно, словно оставшиеся метры нужно было пройти медленнее. Только почему? Их кто-то должен догнать? Третий? Ну, правильно, как он сразу не догадался! Для классического варианта нападения не хватает еще одного. Неожиданно Павел заметил, как крепыш с боксерской внешностью посмотрел ему за спину, а его дружок попросту замер.

Не мешкая, он шагнул в сторону и вскрикнул от неожиданности и боли. На левое плечо обрушилось что-то тяжелое. Били по голове. Просто в последний момент он успел уйти от удара. Развернулся и отступил еще на шаг. Как оказалось, сзади к нему подкрался большеголовый коротышка в шортах. В руках обрезок трубы. Он вновь замахнулся. В глазах страх. Сразу видно, никогда раньше не бил человека таким оружием. Боялся не рассчитать удара. Ведь можно убить или, наоборот, только привести в ярость. Сейчас вся троица была перед ним. Двое справа и коротышка слева. Труба у него над головой. Он поднимает левую ногу, чтобы сблизиться и еще раз ударить. Поздно. Пашка опережает его. Подскок почти вплотную. Корпус коротышки открыт, руки вверху. Удар кулаком правой в солнечное сплетение. Коротышка вскрикнул и сложился. Труба выпала на асфальт. Пашка выпрямился и ударил локтем в основание черепа согнувшегося пополам негодяя. Он упал. Пашка поставил на него ногу и шагнул к боксеру. Затея оказалась глупой, ненужной и по-детски наивной. Скорее подходила для кино, но не для реального боя. Он потерял устойчивость. Ступня проехала по спине коротышки. Тем не менее Пашка ушел от летевшего в лицо кулака под локоть бандита. Уже не до обмена ударами. Поймал его руку за одежду на локте и толкнул ее дальше, разворачивая боксера вслед за летящим по дуге кулаком. Вот бандит стоит, широко расставив ноги, спиной к Пашке. Наклон, обе руки легли на голени. Рывок на себя, и боксер со шлепком распластался на грязном асфальте. По идее, после такого отпора третий должен замешкаться и отказаться от продолжения потасовки. Но рыжий, на удивление со спокойным взглядом, махнул перед лицом Павла рукой. Только когда она уже прошла мимо, он разглядел в ней выкидной нож. Лезвие заточено с двух сторон. Еще доля секунды, и рука с оружием пойдет обратно. Тогда не поздоровится. Стоит только рыжему чуть сократить расстояние, и он легко расплоскует лицо Пашки. Убить таким ножом трудно. У него нет упоров для руки. При ударе лезвия в тело пальцы скользят по нему и образуют порезы. Однако рыжий работал этим «выкидышем»

сноровисто. Пашка сделал выпад и обхватил нападавшего за туловище. Почти одновременно ощутил укол в спину. Поздно. Он крикнул, оторвал рыжего от земли, лишив его опоры, а значит, возможности нанести сильный удар, перевернул и со всего размаха опустил головой на асфальт. Охнув, тот выронил нож. В это время сзади уже протянул в его сторону руки поднявшийся с земли и пришедший в себя боксер. Павел попытался ударить его ногой, но тот успел поймать голень. Он несколько раз смешно подпрыгнул и упал, больно ударившись спиной. В голове загудело, словно оказался в гигантском колоколе. Появился рыжий. Из разбитого лба лицо заливала кровь. Он был в ярости и плохо соображал. С перекошенным лицом бандит прыгнул на Павла, схватил за одежду на груди, приподнял и приложил о землю. Потом еще. В глазах стало темнеть. Вернее, окружавшие предметы потеряли краски. Он испугался, что сейчас потеряет сознание, и попытался перевернуться на бок. В это время над ним склонился боксер и сунул руку за отворот ветровки. Пашка с ужасом ощутил, как из кармана выскользнул конверт, и тут он увидел лежащий в метре от него нож.

«Слегка подрежу, чтобы хоть один не смог убежать, а если и смоется, легче найти будет», – решил он и что есть силы рванулся из-под рыжего, вытянув руку с растопыренными пальцами.

В этот момент ступня боксера встала на запястье Павла. Он взвыл. Между тем тот убрал в карман деньги и подхватил нож. Каким-то чудом Павел сел. Рыжий полетел на спину. Павел развернулся к боксеру. Тот отступил на шаг и хищно улыбался, словно давая возможность Павлу встать. Парень воспользовался «добротой». Его шатало, глаза застилал пот, воздух, казалось, раздирал глотку.

– Верни деньги!

– Зачем они тебе?! – Боксер сделал лицо удивленным. – Ты же лох!

Павел, не разгибаясь, бросился на него. В тот же момент на него сзади навалился вскочивший на ноги рыжий. Боксер, не ожидая такой прыти, выставил руку с ножом вперед. Не имея возможности остановиться, Павел убрал голову в сторону и почувствовал, как рыжий по инерции летит вперед. Раздался вскрик и удивленный возглас. Почти одновременно Павел услышал звук упавшего на землю тела. Он пробежал еще несколько шагов и выпрямился. Рыжий стоял на коленях, уткнувшись лбом в землю, и держался обеими руками за лицо. Боксер навис над ним, с удивлением глядя то на окровавленное лезвие ножа, то на него.

– А-а! Бля! Уу-ух! – Раскачиваясь из стороны в сторону, рыжий стал подниматься. Ладонь левой руки он продолжал прижимать к лицу. Между пальцами струилась кровь. Правую руку, словно ощупывая невидимый предмет, он вытянул перед собой. Неожиданно ноги рыжего подкосились, и он рухнул. Снова стал подниматься.

– Ты что наделал?! – в ужасе крикнул лежащий на боку коротышка. Он только пришел в себя и сейчас, испуганно хлопая глазами, тер ушибленный затылок.

– Я что, я ничего, – протянул боксер. – Он сам налетел. И чего ты меня лечить вздумал?! – неожиданно взревел он. – Из-за тебя все!

– Верни деньги. – Пашка вытер тыльной стороной ладони губы. – Теперь все равно придется с ментами объясняться. Так что, если не хочешь вдовесок за грабеж получить, торопись.

От столь гениального высказывания, непроизвольно сорвавшегося с уст, он воспрял духом.

– А кто сказал, что это я его? – удивленно протянул боксер и ехидно улыбнулся.

– Ой! – раздался женский вскрик.

Все, включая Павла, обернулись. Из-за угла, откуда минуту назад вышел Павел, вывернули двое мужчин, держащих под руки женщину. Троица скорее была клерками одной из многочисленных контор, расположенных в этих лабиринтах, спешащими на обед в ближайшее кафе.

Пашка облегченно вздохнул. Наконец хоть кто-то появился! Но радоваться было рано.

– Извините, – промямлил наполовину лысый очкарик и остановился.

Его примеру последовали остальные. Высокий брюнет убрал со своего локтевого сгиба руку спутницы с длинными накладными ногтями.

– Чего уставились? – взревел боксер.

– Не надо здесь идти! – засуетилась дамочка с родинкой на правой щеке.

– Ребята, все нормально! Мы вас не видели, – выставив вперед открытые ладони, промямлил лысый и стал пятиться.

Все трое быстро скрылись за углом.

– Ну? – Боксер метнул в сторону Пашки разъяренный взгляд и хмыкнул. – Что дальше?

Пашка не собирался отступать. Больше таких денег ему взять неоткуда. Да и не с неба они свалились, чтобы отдать просто так трем ублюдкам, которые спустят их вечером в казино или ночном клубе. Он пошел на боксера. Его мучило, земля под ногами ходила ходуном, в голове пульсировала боль, но он собрал все силы, полный уверенности, что все равно не даст уйти этим недоноскам. Теперь их двое. Будет легче. Они напуганы. Один уже не в счет. Рыжий на секунду убрал от лица ладонь, и Пашка успел разглядеть огромный, уродливый порез, протянувшийся от середины лба, через бровь, развалившуюся на две половины, и развороченную глазницу...

* * *

– Але, гараж! – донеслось откуда-то сверху, а в темноте стала мерцать голубоватая вспышка. Пашка ощущал себя гигантским шаром, в котором пульсировала боль. Он разлепил веки и увидел над собой лицо парня в зеленом халате. На шее болтался фонендоскоп. Его лицо просияло. Он задрал голову:

– Принимайте, ожил ваш Джек Потрошитель!

«Что за шуточки? – разозлился Павел, пытаясь понять, почему вместо потолка больничной палаты он видит синее небо и часть какого-то дома. – Неужели был на прогулке, зашел за приемный покой и потерял сознание? Кажется, там такое сооружение...»

Между тем доктор исчез. Вместо него появился человек в пестрой рубашке. Он был седой. На глазах темные очки. Над ним стоял какой-то тип в милицейской форме. Постепенно до Павла стало доходить, что он не в больнице и попросту не может в ней быть. Перед глазами пронеслось утро дома, дорога в военкомат, Фирсов...

– Черт! – выдавил он из себя, пытаясь сесть, и в тот же момент рухнул обратно на асфальт. Лежащие на животе руки оказались в наручниках. Он так дернул ими, собираясь оттолкнуться от земли, что «браслеты» впились в кожу и на глазах выступили слезы.

– Не суетись. – Мужчина взял парня за шиворот и посадил. – Как самочувствие?

– Где? Что со мной? – Павел вдруг увидел, как в стоявшую сбоку «Скорую» грузят носилки с лежащим на них телом в черном пластиковом пакете. – Он убил его?!

– О-о! – протянул мужчина в униформе. – Почему они все с этого начинают?

– Кто все? – Поднявший за шиворот Павла человек в очках вопросительно посмотрел на милиционера.

– Мокрушники. – Тот зло сплюнул и отошел в сторону.

– Товарищ лейтенант. – Мужчина в очках осторожно убрал руку с шеи Павла, убедился, что тот, оставшись без поддержки, не упадет, встал: – Не разбрасывайтесь терминами. До суда он только подозреваемый.

– Да чего уж там, – усмехнулся лейтенант. – Нож, руки по локоть в крови – это не улики. Я не удивлюсь, если часть уха потерпевшего во рту будет недостаточным поводом к задержанию.

– Не утрируй. – Мужчина снял очки, достал носовой платок и стал с задумчивым видом протирать стекла.

Пашка наконец понял, что речь идет о нем. Только почему с ним говорят так, будто он порезал рыжего? А может, не его, а боксера? Неужели потерял над собой контроль и все-таки порешил?

Он опустил взгляд. Ладонь правой руки была в бурых пятнах. Точно такие же были на груди.

– Черт! – испуганно воскликнул он и стал подниматься.

– Не торопись! – Откуда-то сбоку подскочил сержант с автоматом и схватил его за плечо.

Пашка выпрямился и едва снова не упал. Голова кружилась. Он огляделся. Кроме санитарной машины, рядом стояли милицейский «УАЗ» и «Жигули» с синими номерами. Несколько человек, двое из которых в штатском, медленно ходили, глядя себе под ноги. Сработала фотовспышка.

– Здесь тоже кровь, – раздался голос.

Между тем мужчина, возившийся с очками, закончил их протирать и водрузил на нос.

– Скажите! – Павел шагнул к нему. – Что случилось? Неужели вы думаете, что я убил?

– Нет, никто так не думает, – вновь изрек лейтенант. – Уверены.

Выражение его лица красноречиво говорило о том, что ему доставляет удовольствие видеть попавшего в беду человека. Павел был уверен: достаточно пяти минут, чтобы убедиться, что он ничего не совершал. Наоборот, сам стал жертвой бандитов.

– Меня ограбили. – Он шмыгнул носом. – Я в военкомате деньги получил. Можете проверить.

– Ха! – Лейтенант аж подпрыгнул. – Что я говорил?! А может, еще и изнасиловали, а? – съязвил он, но осекся, поймав на себе осуждающий взгляд сотрудника в очках.

– Разберемся. – Седой махнул сержанту: – Грузите его в машину. Любимов с Козиным пусть пройдут по району, может, кто что видел. Я заскочу в военкомат. Как фамилия человека, выдавшего тебе деньги? – вновь обратился он к Павлу.

– Майор Фирсов.

* * *

Дорога, медленно поднимаясь, петляла, повторяя изгибы синей ленты реки Подумок. Отсюда, с высоты птичьего полета, она не казалась такой своенравной, стремительной и шумной, как вблизи. Перекаты и пороги просто белели от сносимой вниз по течению пены. Справа проплывала то отвесная скала, то склон, покрытый зарослями низкорослых деревьев. Надрывно гудя и давась разогретым воздухом, «Нива» карабкалась вверх.

– Скоро перевал. – Ехавший рядом с водителем кучерявый, со сросшимися на переносице бровями чеченец посмотрел на часы: – Хатча, ты раньше был в этом селе?

– Ты что, забыл? Я в Карачаево-Черкесии в первый раз! – ответил с широкими бровями и орлиным носом молодой мужчина и ловко объехал осыпавшиеся на проезжую часть, размером с кулак, булыжники. Он был словно налит силой. Огромные кулаки, мощные плечи под футболкой говорили о его недюжинном здоровье. На шее, с левой стороны, был шрам.

– Зачем согласился с нами ехать? – спросил с заднего сиденья угрюмый, с густой черной шевелюрой и подстриженной бородой кавказец. Он выглядел усталым. Было заметно – дорога ему наскучила, и он задал вопрос просто так, чтобы как-то разнообразить поездку.

– Странный ты, Джамшед. – Хатча посмотрел на него в зеркало заднего вида. – Ты так говоришь, будто забыл: мы давно одно целое. Что с того, что не был? Разве все наши братья, сложившие свои головы на Дубровке, бывали там раньше?

– И сестры, – едва слышно проговорил Джамшед.

– Что? – не понял Хатча.

– У Магомеда там сестра осталась.

– Да? – удивленно протянул Хатча и покосился на Магомеда. В его глазах появился интерес. Он что-то хотел спросить, но передумал и снова уставился на дорогу.

Неожиданно в кармане спинки водительского сиденья раздалось попискивание. Джемшед сунул туда руку и вынул спутниковый телефон. Отвернул антенну и приложил к уху:

– Слушаю тебя.

На связь вышел организатор акции и руководитель диверсионной группы Анди Салгариев по кличке Циклоп. Невысокого роста, щуплый чеченец получил такое прозвище из-за ранения в левый глаз.

– Вы где?

– Подъезжаем.

– Я на месте.

– Понял. – С этими словами Джемшед отключил связь, откинулся на спинку сиденья и потянулся.

Сегодня он вместе с ехавшими в машине моджахедами должен повернуть в Черкесии дело, итогом которого станет ситуация, которая была когда-то в их республике. В одном из сел они ворвутся в дом милиционера и уничтожат его вместе с семьей. Потом убьют русскую учительницу и армянина-врача. После этого, как сказал Анди, произвольная программа. На почти пустынной в темное время трассе они должны посеять смерть и скрыться. Что будет потом, остается только догадываться. Об их делах узнает весь мир. Конечно, имен никто объявлять не будет. Пока это рано. Но придет время, когда не только деньги, но и слава станут им наградой. Сейчас задача всколыхнуть Кавказ. Здесь хрупкий мир. Тем более в последний перед выборами год. Уже завтра все газеты и телевидение будут рассказывать о бесчинствах на юге России. Если все пройдет гладко, все будут думать, будто это дело рук черкесов. Убийство представителей власти, жителей других национальностей, расстрел ни в чем не повинных людей на дорогах. И все это за одну ночь. Куда смотрело правительство, МВД, ФСБ? Мало было Чечни, в которой до сих пор тлеют угли войны?

Магомед Мамедов и Хатча Улукбеков работают с Джемшедом уже не один год. Им давно за тридцать. Он разменял пятый десяток. На год старше его Анди. Они мудрые и старые воины. Не чета желторотым парням, кровью которых полита земля Ичкерии. Он не умалял их заслуги в борьбе за свободу. Но чем бы закончилась война с русскими, если бы все были как он или тот же Хатча? Магомед тоже хороший воин, но хвастун. Джемшед недолюбливал его за образованность. У него за плечами институт. Был юристом. Успел поработать в органах. Когда к власти пришел Дудаев, Магомед возглавил отряд спецназа. Джемшед, как и Хатча, до войны окончил школу, отучился в техникуме и отслужил в армии. Из всех троих он еще во времена Советского Союза успел использовать оружие по назначению. После учебки попал в Афганистан. Демобилизовался, вернулся на родину и недолго работал геологом. Потом развал Союза. Беспредел. Вместе с Хатчей приехали в Москву. Быстро заработали авторитет. Помогали землякам отбирать у ленивых москвичей гостиницы, бары и магазины. По первому зову президента Ичкерии бросили свои дела и отправились защищать молодую республику. За это время было все. Ранения, победы, отступления, скитание по горам, жизнь в Турции, где познакомились с Магомедом. После ранения он работал в Конгрессе чеченского народа. Туда однажды пришли и они. Магомед помог с деньгами и жильем. Он посоветовал им не возвращаться на родину, а ждать. Скоро их отыскал Анди. Долго расспрашивал о жизни, семье, отношении к религии. Что думают делать дальше. Джемшед раньше ничего не слышал об Анди Салгариеве и говорил с ним пренебрежительно. Тот дал понять, что ради этого разговора приехал из Англии. Он намекнул, что существует отдельная, хорошо финансируемая программа не только отделения Ичкерии от России и предоставления ей суверенитета, а развала всей ненавистной империи на мелкие государства. Одна Чечня, получив самостоятельность, задохнется. Она не имеет выхода к морю, граница с Грузией проходит по труднодоступным районам. Необходим целый

блок кавказских народов. Особенно Дагестан с Каспием, Карачаево-Черкесия, Осетия, Ингушетия, как буфер между ними и Россией. К тому же чеченцы всегда смотрели на эти народы как на своих потенциальных рабов. Таков у них менталитет. Они настоящие горцы, остальные так себе. Ведь даже внутри Чечни люди делятся на горные и равнинные тейпы, между которыми идет вечное соперничество. Анди рассказал, что создаются сотни мелких, но хорошо организованных, оснащенных по последнему слову техники диверсионных групп для проведения акций в любой точке мира. Для этого надо пройти дополнительное обучение. Но даже за него хорошо платят. Однако с первого раза Анди не смог убедить Джамшеда вновь взяться за оружие. Тогда многим были нужны хорошие воины, готовые убивать только за веру. Те, кто агитировал воевать, все как один обещали хорошие деньги. К тому времени Джамшед и Хатча уже разочаровались в затянувшемся тупом противостоянии. Они поняли, что вся война делается в Москве и Лондоне. Среди рядовых боевиков ходили слухи, что есть два человека, которые имеют неограниченную власть и огромные средства. Будто кровавая бойня – это дележ огромного пирога, ни один из кусков которого никогда не достанется дерущимся. Захотят они положить ей конец, и через час наступит тишина. Есть такие силы. Он знал. Об этом говорили с того момента, как прозвучали первые выстрелы на пути входивших в Чечню колонн бронетехники. Теперь это косвенно подтверждал Анди, агитируя продолжать воевать. Он приводил в пример албанцев и утверждал, что им помог Аллах. Братья по вере сумели отвоевать землю у сербов. И это при том, что она считалась колыбелью славянской культуры. Но Джамшед знал, как на Югославию навалился всей мощью НАТО, а никакой не Всевышний помог. По всему выходило, что в Чечне руками чеченцев воюют Англия и Америка.

После первой беседы с Анди последовала вторая, третья. Джамшеду и Хатче даже становилось неудобно, что человек утруждает себя поездками к ним. Они тогда снимали небольшую комнату на деньги, которые удалось привезти с собой и получить в конгрессе. К тому же перебывались случайными заработками. Оба разбирались в строительстве. Могли класть плитку, делать мелкий ремонт офисов.

Но однажды наступил день, когда Джамшед понял: смысл такого существования не для него. Если нет возможности вернуться на родину обычным человеком, можно попасть туда нелегально, с оружием в руках и продолжать бороться. Все равно, какую цель преследуют те, кто отправит его обратно. Он принял предложение Анди. Глядя на него, дал согласие и Хатча. Вскоре они оказались в одной из школ, где готовили частных охранников. Размещенное в окрестностях Анкары учреждение имело «двойное дно». Параллельно основной деятельности на ее территории готовили и террористов, которых называли диверсантами. Легальные ученики не подозревали, кто учится с ними бок о бок. Да и никогда не видели их. Под этой ширмой в течение нескольких месяцев отщепенцы самых разных национальностей изучали новейшие системы навигации, средства связи, способы изготовления и установки взрывных устройств, яды, топографию, тактику действий. Здесь рассказывали, как осуществляется охрана первых лиц государств, атомных станций, предприятий химической промышленности. Показывали учебные фильмы, изучался опыт действия партизан Второй мировой войны, вьетнамцев и террористов Аль-Каиды. Не оставили без внимания такие вещи, как радиоактивные материалы, их свойства, возможности применения. Большое внимание уделялось и физической подготовке. Много стреляли, метали ножи, дрались. Постепенно Джамшед понял – на базе уже имеющегося опыта они получили такие знания, что могут устроить любую диверсию, какую только задумает руководство.

Первое крещение в новой роли он с Хатчей получил год назад. Уничтожили прокурора района в Ингушетии. Потом был подрыв железнодорожного полотна под Грозным. Убийство семьи милиционера в Гудермесе. Сбор информации по восстановлению нефтеперегонного завода. Джамшед понимал: все эти поручения только для того, чтобы группа не расслаблялась.

Их ждет что-то серьезное. Даже предстоящая сегодня работа – это так, мелочь. Напоминание властям, что не все так хорошо.

Машина въехала на перевал. Уже смеркалось. Низины медленно заполняла темнота, в которой плавали огни далеких селений. Над всем этим было темно-розовое, с серебристыми прослойками на западе небо.

Хатча включил фары. Темнота враз подступила к машине. В желтоватом пятне пронеслась светящейся точкой какая-то бабочка. Вскоре дорога пошла под уклон. Поехали быстрее. Промелькнул указатель «Верхняя Мара», а ниже – «Мара Аягъы». Справа и слева потянулись дома за высокими заборами из железа, бетонных плит, просто камней. Светящиеся квадраты окон настороженно смотрели сквозь ветви росших перед домами деревьев на несущуюся по темной улице машину.

– Где живет этот ишак? – спросил Хатча.

– Дальше. А учительница здесь. – Джамшед перегнулся через сиденье и показал пальцем на освещенный двор.

Проехав через село, почти сразу оказались в лесу. В окна ворвался еще не остывший воздух с запахом трав и цветов.

– Сколько едем, один пост, – вздохнул Хатча. – Даже не верится.

– Ничего, – протянул Магомед. – Скоро здесь такое начнется...

– Как саранча налетят, – поддержал его Джамшед. – Поезжай тише.

Хатча сбавил скорость. Все стали смотреть вправо.

– Выключи свет! – неожиданно потребовал Магомед. – Ничего не видно.

– Как я поеду?! – удивился Хатча.

– На габаритах, потихоньку, – ответил он. – Давно должен был быть поворот.

– Не волнуйся, – успокоил Джамшед. – Анди даст сигнал фарами.

– Откуда он знает, что это мы едем? – удивился Магомед.

– Есть! – неожиданно воскликнул Хатча и резко повернул руль вправо.

Все повалились на левый бок. Джамшед ударился головой о стекло.

– Ты что?! – зло зашипел Магомед. – Аккуратней не мог?

– В последний момент заметил, – стушевался Хатча.

– Ничего страшного, если бы и проехали. Что, нельзя сдать назад? – потирая на голове ушибленное место, проговорил Джамшед, пытаясь разглядеть впереди машину.

Хатча затормозил у стоявшего на обочине «УАЗа» и выключил свет.

– А где Анди? – едва слышно спросил Магомед, глядя на силуэт внедорожника.

– Может, это не он? – выдвинул предположение Хатча и вышел. Уже оказавшись снаружи, сунул под сиденье руку и вынул оттуда пистолет. Магомед выбрался со своей стороны. У него не было оружия. Они медленно двинулись к машине.

– Анди! – негромко окликнул Хатча и заглянул в салон через окно.

– Ну что? – спросил Магомед.

– Никого, – развел руками Хатча.

Джамшед вынул телефон, по которому связывался с Анди, отвернул антенну, надавил на кнопку автоматического набора частоты и тут же вздрогнул, услышав рядом с собой зуммер вызова. Он развернулся на звук. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, стоял Анди.

– Ты чего? – удивился Джамшед.

– Так, решил проверить. Вдруг за вами следят?

– За кого ты нас принимаешь? – возмутился Хатча. С расстроенным видом он отошел от «уазика».

– Здесь, недалеко, трое русских, – сказал Анди. – Четыре-пять часов они будут спать. За это время нам надо сделать все дела и вернуться.

– Что ты задумал? – осторожно спросил Джамшед.

– Разве сам не догадался? – усмехнулся Анди. – Мы посадим их в «Ниву», которую запомнят люди, оставим в ней оружие, использованное в акции, подожжем и уйдем с дороги. Или у тебя есть другие варианты того, как уйти после дела?

– Нет, – стушевался Джамшед. – Но если бы ты сказал, я бы наверняка что-нибудь придумал.

– Не сомневаюсь. – Анди потрепал его по плечу. – Просто я знал этих людей, и они согласились помочь мне в дороге, а потом я их отблагодарил водкой.

Глава 4

Звук шагов эхом отражается от уныло-серых стен. Грохот и металлический звон решетчатых дверей отдает в груди неприятной, щекочущей нервы вибрацией. Пашка, словно механическая кукла, передвигал ногами по коридорам, выполнял команды конвойного – остановиться, повернуться лицом к стене, снова идти.

Пол прохода был выложен бордовой плиткой. Кое-где она была растрескавшаяся или попросту выбита. Такие места уродливо замазали цементом. Пашка снова поймал себя на мысли, что машинально считал на полу эти заплатки. Зачем, сам не понимал. Как будто это может пригодиться. И для чего?

– Лицом к стене! – вяло скомандовал невысокий сержант, звякнул задвижкой «кормушки» и заглянул в небольшое прямоугольное отверстие. Убедился, что с другой стороны никто не стоит, погромел ключами и распахнул двери.

Пашка перешагнул через порог. В нос ударил запах табачного дыма, пота, носков, параша и еще какой-то дряни, происхождение которой объяснить вот так, с ходу, невозможно. Это специфическое зловоние присутствовало везде – в кабинете оперчасти, коридорах, душевой. Им пропитались одежда, волосы, кожа и внутренности. Это был дух неволи и безысходности.

Лапшин Федька по кличке Лапша приподнял над подушкой голову. От долгого лежания волосы на одной стороне были прилизаны, а на другой взлохмачены. Некоторое время он смотрел на Павла с таким видом, будто был удивлен возвращением. Потом скучающе зевнул:

– Поговорил?

– Не вышел разговор. – Павел прошел к своей шконке, уцепился одной рукой за трубу, которыми здесь заменили уголок, другой за дужку, подтянулся и забросил тело на скрипучее ложе. Немного поерзал, устраиваясь между комками сбившейся в матрасе ваты. Поправил подушку.

Посреди камеры, за столом, с книгой в руках сидел Мамонт. Среднего роста, щуплый паренек, весь синий от наколок. Как ни странно, все они были из тех, что делают в салонах тату. В СИЗО он залетел впервые и маялся здесь уже второй месяц в ожидании суда. Дело, которое емушили, было смешным. Приехал на выходные в деревню к матери. Решил поправить забор, а часть стройматериала, как написано в деле, «пиломатериала в виде доски необрезной», позаимствовал у соседа. Немного, полтора десятка досок. Думал, не заметит. Однако вскоре тот пришел разбираться. Мамонт пообещал оторвать ему голову. В результате был обвинен в краже и угрозе убийства.

Мамонт оторвался от текста и поднял взгляд на Павла:

– Мне, конечно, все равно, но от адвоката ты зря отказался.

– А чем мне ему платить?

– Возьми государственного.

– Не надо советы давать, если не знаешь! – прохрипел снизу Бек. – Этот козел со следом договорится, и разведут на пару пацана. Он получит лет пять, будет считать, что легко отделался, а на самом деле вовсе чалиться не должен. Так и стой на своем, – уже обращаясь к Павлу, продолжил Бек. – Ты как бы в несознанку ушел. Тем более если говоришь, что так оно и есть, не мочил ты терпилу, а сам попал под раздачу, тебе и карты в руки.

– Я тебя понял. – Пашка заложил руки за голову и уставился в потолок. Мысли были одна мрачнее другой. Дело передали в прокуратуру. Следователь Жилова – средних лет нервная дама с коротко стриженными черными волосами и в модных очках – с первых дней дала понять, что положение его крайне незавидное. Он и без нее это знал. А когда увидел этот скучный и безразличный взгляд, еще сильнее утвердился во мнении, что от срока не отвертеться. До глубины души было обидно и больно, что срок он получит из-за этой женщины. От нее

зависит, где он проведет ближайшие десять-двенадцать лет. Это она не желает разбираться. Есть человек и преступление, надо одно привязать к другому и передать дело в суд. Так это было или не так, какое имеет значение? Оказался паренек не в то время и не в том месте. Сам виноват. Тем более версия с грабежом рассыпалась как карточный домик. Оказывается, в этот день Пашка деньги не получал. Попросту не мог, так как всю, до копейки причитающуюся сумму ему выдали накануне, о чем имеются соответствующие записи в финансовых документах. Следовательно, брать у Павла было попросту нечего. Конечно, можно допустить, будто у него отобрали деньги, которые он получил за день до происшествия, но он стоял на своем, что Фирсов соизволил произвести расчет именно в тот день, когда его и нашли с ножом в руках рядом с трупом. Попытку рассказать об издевательствах Фирсова следователь расценила как клевету и пригрозила привлечь за это к ответу. К тому же майор заявил, будто прапорщик запаса вел себя неадекватно. Он даже обеспокоился его психическим состоянием. Все окончательно стало ясно, когда Долгов явился к нему во второй раз и снова потребовал деньги. Как-то Фирсову удалось убедить его, что он уже ему ничего не должен.

От такой наглости, бессовестности и скотства голова у Павла шла кругом. Он, конечно, знал, что государство со всеми его институтами давно прогнило, но не думал, что его это каким-то боком коснется лично. Он привык, что всех без исключения, включая мать, отца, соседей по дому и улице, а если смотреть глубже, то и всю страну, давно и бессовестно обманывают, но когда это происходит в массе, то не так обидно.

По версии следствия, которую навязывала Жилова, он получил деньги, но куда-то их дел и забыл. Это легко объяснялось ранением и контузией, следствием которых стали провалы памяти и немотивированные вспышки агрессии. На следующий день, вследствие разыгравшегося больного воображения, Павел направился в военный комиссариат вторично. Там майору Фирсову удалось убедить его, что он пришел зря. Однако по пути домой Павел встретил гражданина Морозова. В порыве вспышки ярости, опять же на почве расстройства, вызванного переживаниями, связанными с недавним прохождением военной службы, набросился на него и нанес двенадцать ударов ножом в разные части тела. В процессе потасовки также пострадал и потерял сознание.

«И чего ты юлишь, Долгов? – стояли в ушах слова Жиловой. – Все равно не посадят, а в „дурку“ определят. Вас, таких, после Чечни только там и держать. Вот скажи, зачем в армию пошел? Молчишь? Да потому что нет проку от тебя на гражданке. Ни в институт, ни на работу. Там впечатлений и отрицательных эмоций набрался, плюс контузия, вот и весь результат. Сидишь теперь здесь и веришь в то, чего быть не могло».

– Сука! – неожиданно вырвалось у него.

– Ты чего?! – Мамонт удивленно посмотрел на усевшегося в кровати Павла.

– Ничего. – Он снова лег и отвернулся к стене. Пашка понимал: следователь говорила так, глядя на дело со своей колокольни. У нее факты, от которых никуда не денешься. Главное – труп с колото-резаными ранами, нанесенными орудием, оказавшимся у него в руках. На одежде – кровь потерпевшего. Свидетелей происшедшего нет. Потеря сознания, по заключению врачей, могла произойти в результате еще не до конца наступившего выздоровления. К тому же потерпевший сопротивлялся.

«Что еще нужно, чтобы встретить старость? – усмехнулся про себя Павел и скрипнул зубами: – Надо бежать!»

Он попытался представить расположение строений следственного изолятора, но из этого у него ничего не вышло. Когда сюда привезли, все было как в тумане. Тем более после пяти суток, проведенных в обезьяннике с бомжами, Павел плохо соображал.

«Надо вынудить их вывести меня за пределы этого заведения, – стал размышлять он. – А для этого согласиться с обвинениями. Тогда они назначат следственный эксперимент. Только сделать ноги в том районе, где все случилось, не получится».

Он примерно представлял, как будет все проходить. Шансов убежать нет. На запястье наручник, второй «браслет» на оперативнике. Еще пара сотрудников по бокам. Плюс следователь, криминалист, тот, кто снимает все на видеокамеру...

Стоп! А что, если признаться в том, чего не совершал, и таким образом вытянуть их к сараям? – неожиданно осенило парня.

Пашка снова сел и подтянул под себя ноги. Украдкой оглядел камеру, словно кто-то мог подслушать его мысли. Возвращаясь из армии первый раз, он умудрился провезти гранату. Зачем, сам не знал, а когда спрятал ее в развалинах швейной фабрики, начинавшихся сразу за городом, в лесу, даже не по себе стало. Потом он про нее больше не вспоминал. Так до сих пор и не понимал, для чего ему понадобилась «Ф-1». Может, просто решил пощекотать себе нервы? В районе их городка даже не было подходящего водоема, где можно было глушить рыбу.

В голове быстро возник план. Завтра, с утра, он потребует встречи со следователем и скажет, что хочет сделать заявление. Когда его к ней приведут, немного потянет волынку, поторгует. Как, мол, отразится на его судьбе чистосердечное признание не только в убийстве, но и в краже? Надо будет грамотно наврать, будто обчистил два года назад квартиру. На Пушкинской! – осенило его. Он много слышал об этой краже. Один из предпринимателей, для каких-то своих дел, взял кредит и привез всю наличность домой. Потом отлучился в детский сад за сыном. Когда вернулся, обнаружил, что оставленного в рабочем кабинете кейса с тремя миллионами рублей нет. До сих пор об этом деле ходили самые противоречивые слухи. Но то, что деньги не найдены, это Пашка знал точно. Буквально перед выпиской из больницы в местных новостях упомянули об этом деле как о нераскрытом. Теперь надо придумать правдоподобную историю. В ее основе будет признание в том, что все, до копейки, лежит как раз в том месте, где спрятана граната. А для достоверности можно сказать, будто второй раз в армию дернул, чтобы переждать, когда все уляжется. Добраться до «эфки», а там можно уже и условия диктовать. Он был уверен: в то место, которое он укажет, никто из нормальных людей не полезет. Это вертикальный колодец, заполненный тухлой водой, где местные жители наловчились топить котят и другую ненужную живность. Там, сбоку, труба. Поначалу он хотел спрятать гранату туда. Но передумал. Увидев, куда нужно спускаться, опера наверняка начнут искать какого-нибудь бомжа. Ему не позволят. Вдруг там оружие? А оно на самом деле в шаге от этого места. Главное, оказаться рядом со стеной, где реальный тайник. Сунуть свободную руку меж кирпичей, и все. Большим пальцем и зубами он освободит предохранительную чеку. А потом потребует отстегнуть «браслеты». Он закрыл глаза. Так или иначе, в тюрьму Павел больше не вернется.

Народ в камере подобрался спокойный и далеко не такой, каким Пашка представлял себе обитателей СИЗО. Никто никого не унижал, без надобности не ругались, до суда не трогали. Из двух десятков сидевших здесь человек меньше трети имели серьезные проблемы с законом, которые заключались в систематическом посещении таких заведений с последующим переводом на этап. Уголовники жили обособленно, лишь изредка подтрунивая над остальной массой арестантов. После ужина Пашка вновь забрался на свое место и до глубокой ночи думал.

Но утро внесло свои коррективы в жизнь Павла. Сразу после завтрака, едва он собрался начать шуметь, за ним пришли. Вновь по лабиринтам коридоров провели в дальний конец изолятора. Только на этот раз в специальную клетку для допроса помещать не стали, а усадили за стол, за которым сидела не Жилова, а другой человек.

– Силин Михаил Юрьевич, – представился незнакомец и протянул пачку сигарет.

– Не курю, спасибо, – покачал головой Павел, ломая голову над тем, с чем связана смена следователя и стоит ли, не зная характера Силина, начинать претворять задуманный план в жизнь.

– Вас не удивляет, что вместо Анастасии Павловны пришел я?

– Удивляет, – честно признался Павел.

– В вашем деле возникли новые обстоятельства. – Силин выбил из пачки сигарету, вставил ее в рот, вынул зажигалку, но прикуривать не стал, а задумчиво уставился на Павла.

– Что? – вытянул шею парень.

– Вчера в пьяной драке получил ножевое ранение гражданин Тихомиров. По горячим следам был задержан и подозреваемый в совершении этого преступления.

– А я здесь при чем? – не понял Павел и съязвил: – Хотите, чтобы я это дело тоже на себя взял?

– Нет, – на полном серьезе ответил Силин. – В ходе предварительного расследования было установлено, что это именно те люди, которые совершили в отношении вас противоправные действия.

– Вот как?! – Павел даже встал.

– Сядь, – негромко, но властно приказал Силин. – Найдена и часть денег. Собственно, из-за них и вышла ссора. Но выпустят тебя, как ты понимаешь, не сейчас. Так что имей в виду.

– Но ведь это противозаконно! – Пашка сделал вид, что злится, на самом деле у него было желание расцеловать этого человека.

– Не выпендривайся, – Силин дружелюбно улыбнулся. – От лица прокуратуры приношу извинения.

– А майора Фирсова теперь привлекут? – неожиданно спросил Павел.

– За что?

– За сговор, – не моргнув глазом ответил Пашка. – Ведь все против него. Он говорил, что деньги мне выдал за день до убийства. Кстати, я видел, как эта мразь, сразу после моего ухода, звонил кому-то по сотовому.

– Как ты мог видеть, если, сам же говоришь, вышел? – повеселел Силин.

– В окно, – заторопился Пашка. – Можете проверить. Его кабинет рядом с выходом. А если сейчас узнать номера входящих на телефоне этих уродов, наверняка все встанет на свои места.

– Хочешь сказать, что Фирсов сообщил о том, что выдал тебе деньги? – зачем-то уточнил Силин. – Знаешь, эту версию уже без тебя проверили. Если он и звонил этим негодьям, то с телефона, который зарегистрирован на имя другого человека. Так что выбрось эту мысль из головы. Радуйся, что так все вышло.

* * *

Антон решил лично встретить Истрапилова из госпиталя. Он знал, что офицеры-чеченцы обязательно подъедут туда, но ему не терпелось самому увидеть его. Нужно было понять, готовы ли Истрапилов сразу после лечения убыть с ними в очередную командировку. В отличие от остальных спецназовцев, которые еще ни сном ни духом не ведали, что их ждет, Антон знал, что им придется нелегко. Возможно, это будет одна из самых сложных операций. География их командировок была большой. В Афганистане они уже были. Правда, в приграничных с Таджикистаном провинциях.

По предложенной на этот раз для утверждения генералом схеме спецназ еще не действовал. Чем-то это напоминало дорогу в один конец. На вертолете преодолеть почти тысячу километров горной местности, находящейся под контролем самых разных вооруженных группировок, провести операцию и уйти, уже своим ходом, на территорию пусть и скрепленной договором о коллективной безопасности, но ставшей уже чужой страны. Причем в качестве пилотов будут сами разведчики-диверсанты, с налетом часов чуть больше курсантов ДОСААФ советских времен.

Чеченцы стояли в тени тополей, за ограждением небольшой автостоянки, справа от КПП. При приближении своего командира Джин с Шаманом на шаг отошли от Стropy, словно

давая ему лучше разглядеть офицера. Лече выглядел неплохо, лишь был слегка бледен. Вполне типичная внешность для человека, который долгое время провел в помещении.

Антон пожал ему руку и испытующе заглянул в глаза:

– Как самочувствие?

– Нормальное, – бодро ответил старший лейтенант. – Надоело бездельничать.

Он был в рубашке и светлых брюках. По всей видимости, гражданскую одежду привезли Джин с Шаманом. Лече был доставлен в госпиталь прямо с аэродрома Чкаловский, в полевой форме.

– А где Дрон? – Антон окинул взглядом стоявшие на стоянке машины. – Насколько я понимаю, вы с ним приехали?

– Должен появиться, – ответил Джин и посмотрел на часы.

Почти сразу с дороги свернула синяя «БМВ» майора. Провыв резиной по бетону, она замерла рядом с «Лексусом» Антона. Дрон вышел из машины и, не закрывая за собой двери, направился к офицерам.

– Что не позвонили? – Он поздоровался с Антоном и хлопнул по плечу Истрапилова.

– Мы недавно вышли, – успокоил его Джин. Однако, судя по виду, чеченец приврал. Попросту лишнее время общения с Дроном, после доставленных ему неудобств, было для Вахида чем-то вроде сверхурочных для дрессировщика тигров. Дрон еще никак не отыгрался за рано прерванный сон и зря потраченное время, поэтому Вахид предпочел подождать, нежели торопить друга.

– Ты как? – Дрон испытующе заглянул Стропе в глаза.

– Нормально. – Чеченец явно смущался от такого внимания сослуживцев. Еще бы, кроме земляков и Дрона, приехал сам командир группы.

– Давайте отметим это дело? – Дрон потер ладони.

– У тебя вид какой-то странный. – Антон наклонил голову набок, пытаясь понять, что у Дрона не так. Джинсы были в пыли, сам он выглядел возбужденно.

– Подрался немного, – Василий отмахнулся. – Кстати, командир, ты Джину передал команду Родимова?

– По поводу? – не сразу понял, о чем речь, Антон. Однако по глазам майора догадался, что тот заготовил новый анекдот, и подыграл: – Сам расскажи. – С этими словами он развернулся к Стропе.

– Что сказал генерал? – Джин насторожился.

– Точно не знаю для чего, но тебе в ближайшее время нужно имидж сменить. Шеф даже деньги наличные выдал. Завтра ждет с докладом.

– Какой имидж? – Джин нахмурился.

– Смежникам нужен мужик, как говорят артисты, твоего типажа. Насколько я понял, придется сыграть роль богатого турка. У тебя же с языком проблем нет? Тем более работать будешь где-то в Москве, а здесь, сам знаешь, мало кто в этом разбирается.

– Это и есть та командировка, про которую говорил генерал? – Джин перевел взгляд на Антона.

– Не знаю. – Антон пожал плечами, теряясь в догадках, что на этот раз задумал неугомонный майор.

– Ну что, по коням? – Дрон посмотрел на часы, потом скользнул насмешливым взглядом по Джину.

Чеченцы уселись в машину к Дрону. Через минуту «БМВ» Василия выехала со стоянки. Антон пристроился сзади. Ехали в направлении центра. По сути, чтобы попасть в район, где жили чеченцы и Дрон, надо было через него проехать. Вскоре застряли в пробке. Антон включил на полную мощность кондиционер и стал ждать. Постепенно, протиснувшись по Суцевскому валу, поехали быстрее. Неожиданно Дрон принял вправо, съехал с дороги и вырулил на

автостоянку. Антон скользнул взглядом по вывескам расположенных здесь заведений. Банк, адвокатская контора, кафе и салон красоты. Теряясь в догадках, заглушил двигатель и вышел.

Когда подошел к машине Дрона, то успел расслышать последнюю фразу, сказанную им:

– Зайдешь, скажешь, что ты Джабраилов, она все знает. Держи деньги. – Он всучил Джину две стодолларовые купюры, потом, с тоской проследив, как они исчезли в кармане его джинсов, взял за локоть: – Кстати, генерал сказал, чтобы ты чек потребовал. Для отчета.

– Понял, – кивнул Джин и направился в «Стиль».

«Что-то Васька последнее время чересчур зашутился. И денег не жалеет на свои фокусы», – подумал Антон, глядя на мощные плечи и спину чеченца, а вслух спросил:

– Куда это он?

– Сейчас узнаешь. – Дрону едва удавалось выглядеть серьезным.

– Вася, – позвал его Шаман, – у тебя иногда шутки злые бывают. Ты не боишься, что Вахид когда-нибудь тебя убьет?

– Боюсь, – откровенно признался Дрон. – Возможно, это случится сегодня.

Тем временем, нисколько не смутившись, Джин скрылся за дверями салона красоты.

– Теперь можешь сказать, в чем дело? – Антон развернулся к сияющему как медный таз Василию.

– Я его на маникюр записал. – Его рот расплылся в довольной улыбке. – И убедил, что это приказ генерала. Представляете, как он сейчас будет страдать?

– Чувствую, придется тебе замену искать, – нахмурился Антон. Ему вдруг стало жаль Вахида. Дрон явно играл с огнем. Сдержанный в отношении его подшучиваний, чеченец мог при случае сделать кого угодно инвалидом. До сих пор непонятно, как Василию все сходит с рук. А может, так оно и надо? Уйдут они когда-то в запас, на пенсию, и откроется тайна, что Василий вовсе не выпускник Рязанского военного института, а профессиональный психолог, назначенный в группу для поддержания в ней здоровой атмосферы.

– Ладно. – Дрон махнул рукой. – Пошли. А то действительно обидится.

Сопровождаемые настороженно-любопытными взглядами двух дам, они миновали фойе. Василий оглянулся, подмигнул Шаману и почти на цыпочках подкрался к двери. Набрал полные легкие воздуха и заглянул внутрь. Антон следил за выражением его лица. Между тем брови Дрона поползли на лоб. Он фыркнул и вышел из-за дверей полностью.

– Не понял?

– А чего ты, Вася, не понял? – раздался изнутри комнаты голос Вахида. – Руки решил в порядок привести. Тем более на халяву. Ты же платишь!

Антон подвинул Дрона. Джин восседал в небольшом кресле, положив свою лапищу на стол. Девушка, застенчиво улыбаясь, ловко орудовала небольшими ножницами.

– И сколько это удовольствие стоит? – с возмущением в голосе спросил Дрон.

Дело принимало явно не такой оборот, который хотелось бы Василию. Он расстроился.

Антон хлопнул его по плечу:

– Пошли, на улице подождем.

– Извините. – Из соседних дверей появился молодой мужчина с причудливой прической. – Не вы сегодня приходили по поводу маньячки?

– Какой? – Дрон часто заморгал. – Ну да! А что, появлялась?

– Была, – подтвердил парень. – Сделал, как вы сказали.

– А как я сказал?! – Дрон переменялся в лице.

– Позвонил в милицию и сообщил, что действую по инструкции вашего сотрудника...

– И что? – слабым голосом спросил Дрон.

– Увезли, – пожал плечами парень.

– Кого? – Антон ровным счетом ничего не понимал.

– Ты не представляешь. – Дрон поплелся к выходу. – Кажется, я собственную жену в КПЗ сдал.

– Не мудрено. – Антон отвернулся, чтобы Дрон не увидел улыбки. – Калигула.

Глава 5

Хатча переключил ближний свет и сбавил скорость. Справа и слева потянулись заборы и палисадники. Они снова въехали в село, в котором были вечером. Погруженное в темноту, оно спало глубоким сном. Лишь пара дворов освещалась изнутри тусклым светом электрических лампочек да в центре, на столбах, горело несколько фонарей.

Теперь на всех была камуфлированная форма, поверх которой надеты разгрузочные жилеты. Рядом лежали автоматы. Лица закрывали маски с прорезями для глаз и рта. Никакой атрибутики ваххабитов. Анди сразу запретил надевать повязки с арабской вязью. Заставил снять прикрепленные к широким кожаным ремням кинжалы. Пусть для всех как можно дольше остается загадкой, кто творит бесчинства в республике. Русские будут думать на черкесов, черкесы на русских, а милиция на чеченских боевиков. В одном все окажутся правы – это начало нового пожара на фоне межнациональной розни.

– Тормози, – негромко скомандовал Анди.

Хатча остановился. Сидевшие сзади Магомед и Джамшед выскочили наружу. Едва слышно лязгнул автомат, которым кто-то задел дверцу, и через мгновение два силуэта растворились в темноте. Где-то на окраине залаяла собака. Потом еще.

– Кому это не спится? – Анди увидел, как еще в одном из домов зажегся свет, выхватив из мрака часть дороги.

Хатча выждал несколько минут и тронул машину дальше.

Они миновали пять дворов и встали у железного забора. Хатча вопросительно посмотрел на Анди, и оба вышли из машины. Во дворе загремела цепью собака.

Почти одновременно там, где они высадили Магомеда и Джамшеда, раздался треск автоматных очередей. Зазвенело осыпающееся стекло. Раздался леденящий душу вопль. Невозможно было понять, кто кричал, мужчина или женщина. Анди поежился. По очереди вытер о куртку вспотевшие ладони. Неожиданно все стихло. Пауза была прервана едва слышным щелчком. Двор, где только что была стрельба, на мгновение осветился изнутри бледно-розовой вспышкой. Ухнула граната. Снова зазвенело стекло. В домах напротив зажегся и снова гас свет. Хлопали двери. Тявкали перепуганные собаки.

Наконец за забором, у которого притаились бандиты, что-то скрипнуло. Кто-то пробежал к калитке. Послышалась возня.

Анди увидел желтоватую полоску света на одежде и припал единственным глазом к щели между листами железа.

– Подожди, я с тобой! – крикнул с порога какой-то мужчина тому, кто уже возился с запором на калитке.

Он затаил дыхание.

– Сидите дома!

Раздался скрип петель, и в темноте образовался квадрат яркого света.

Хатча шагнул назад, опасаясь попасть в полосу света, бывшего наружу и перечеркивающего улицу. Над входом в дом милиционера горела большая лампа, какими в городах освещают улицы.

Оба чеченца узнали в силуэте майора Рагимова. Следом семенил его отец.

– Папа, оставайтесь дома! – Рагимов, не замечая засады, бросился вдоль улицы.

Почти в тот же момент Хатча вскинул автомат и, не целясь, выстрелил ему в спину. Анди открыл огонь по воротам, за которыми остался отец майора.

Убедившись, что милиционер упал, Хатча подбежал к нему. Осторожно толкнул в бок стволом автомата. Тот застонал. Он выстрелил ему в голову и бросился к машине. В это время Анди вынул из кармашка разгрузки две гранаты и, пока помощник разворачивал «Ниву» в

обратном направлении, одну за другой забросил их во двор. По всем правилам, машину нужно было сразу поставить так, чтобы как можно быстрее покинуть место обстрела. Но все действия были направлены на то, чтобы люди запомнили ее цвет и марку. Ведь когда въезжали в село, все еще спали. Теперь, проснувшись, большинство жителей пытается разобраться, что происходит.

Хатча затормозил перед домом учительницы. Здесь во дворе уже полыхал огонь. Джамшед и Магомед быстро забрались на свои места и в машине рванули прочь.

– Пожар начался! – обернувшись на зарево в центре села, обрадованно воскликнул Магомед. – Куда теперь?

– Я хотел утром устроить охоту на трассе, но мне кажется, лучше сейчас уносить ноги. По пути что-нибудь придумаем.

Дорога была пустынной, поэтому до кошар, рядом с которыми оставили «уазик» и строителей, доехали быстро. Как Анди и предполагал, никто из шабашников не проснулся. Они лежали рядком на траве и громко храпели.

– Везет же людям, – стал острить Хатча. – Даже не знают, что скоро умрут.

– Помолчи! – одернул его Анди. – Давайте лучше быстрее усаживайте их в машину.

После того как строители оказались в «Ниве», на них повесили оружие, из которого только что стреляли в селе. Сзади поставили две неполные канистры с бензином. Хатча сел за руль.

– Сам найдешь место?

– Я там никогда не был, – напомнил чеченец, – но постараюсь.

– Ладно, мы поедем впереди, – на секунду задумавшись, махнул рукой Анди и направился к «УАЗу».

Тронулись в путь. Восток слегка побледнел. С той стороны стали исчезать звезды. До рассвета оставалось совсем немного. Через несколько километров слева от дороги замелькали столбики. Машина, в которой ехал Анди, встала. Он сам вышел на дорогу. словно Хатча мог проехать мимо, махнул ему рукой.

– Давай одного на свое место, – морщась от клубов поднятой колесами пыли, скомандовал Анди, едва тот затормозил.

Хатча вылез из-за руля, открыл заднюю дверь. Вместе с Магомедом они вытащили Мукина. Вскоре, что-то пробурчав во сне, строитель снова затих, навалившись могучей грудью на рулевое колесо.

– Пора. – Анди с опаской посмотрел в сторону востока. Небо быстро светлело. На его фоне уже отчетливо было видно листву на верхушках деревьев.

Магомед и Джамшед покатали машину к обрыву. Хатча просунул руку под спящим строителем и повернул ключ в замке зажигания. Двигатель завелся.

– Куда?! – прохрипел кто-то с заднего сиденья.

– В ад! – процедил сквозь зубы Хатча. – Давайте!

Магомед чиркнул спичкой. Вспыхнула и полетела в салон пропитанная бензином тряпка. Под ногами так и не пришедших в себя строителей загорелся разлитый бензин. Хатча захлопнул дверцу. Машина изнутри озарилась зловещим багровым пламенем.

– Э-э! Что?! – закричал кто-то.

– Уй! Горим! – нечеловеческим голосом просипел еще один проснувшийся строитель. В стекло задней дверцы ударились две ладони. Поздно.

Не обращая внимания на крики, бандиты вновь налегли на машину. Скрипя, она покати-лась. Осталось меньше метра. Из щелей и форточки вырвались всполохи огня и дыма. Внутри неистово заколотились обреченные. Никто из них не мог сообразить нащупать и потянуть на себя ручку. Они обезумели от ужаса и боли. Раздался стук, и крыша вздрогнула. Кто-то с силой врезался в нее головой. От качки скрипели рессоры. Анди казалось, что пьянчужки сейчас перевернут внедорожник. Одновременно он ощутил необъяснимый восторг. На его глазах

горели живые люди! Так им и надо! Они неверные. Захватили такую огромную территорию, а теперь умирают от водки, наркотиков и болезней.

Между тем «Нива» достигла кромки обрыва. Осыпая мелкий камень, передние колеса нависли над пропастью. Магомед крикнул от напряжения. Мгновение, и внедорожник исчез. Раздался грохот, мотор взревел и затих. После этого громко хлопнул пролившийся из канистр и воспламенившийся бензин. Противоположная сторона небольшого распадка осветилась огнем разгоравшейся машины, а в небо поднялся высокий гриб черного дыма.

Хатча подошел ближе к пропасти и глянул вниз. Оставив на склоне глубокие борозды и маленькие костерки, превратившаяся в гигантский факел машина пролетела несколько десятков метров и врезалась в выступающий из земли валун. Внутри метались огни пламени и тени обезумевших и ничего не понимающих строителей. Хотя с такого расстояния эти силуэты могли быть просто сгустками дыма.

– Уходим, – поторопил Анди.

Они заняли места в «уазике». Хатча, по своему обыкновению, снова сел за руль. Повернул ключ в замке зажигания. Стартер проскрипел, словно под капотом кто-то медленно несколько раз провел напильником по куску железа, и затих.

– Что это? – раздался голос Магомеда.

– Сейчас заведется, – больше для того, чтобы успокоить себя, процедил сквозь зубы Хатча и повторил попытку. На этот раз просто раздался громкий щелчок, и все.

– У-у! – взвыл Джамшед и ударил по спинке переднего сиденья ладонью. – Кляча.

– Давайте толкните! – быстро перебирая в голове все варианты полумок, потребовал Хатча. – Здесь дорога под уклон.

Все, кроме него, выбрались на дорогу. Было уже совсем светло. Анди отошел в сторону и упер руки в бока. Магомед и Джамшед навалились на машину сзади и закричали. Скрипнули камешки под подошвами ботинок. Ноги скользили. Проехав с десятков метров и посчитав, что скорость достаточна, чтобы запустить двигатель, Хатча включил скорость. Двигатель глухо забурчал. Неожиданно под машиной словно пальнули из охотничьего ружья. Хатча вздрогнул. Магомед отскочил в сторону.

– У, шайтан! – взревел Анди. – Что это может быть?

– Откуда мне знать? – перепуганный таким оборотом дел Хатча выбрался наружу. Руки тряслись. – Вы на ней сюда ехали.

– Все было нормально! – Анди обошел машину спереди и встал: – Открой капот!

– Зачем? – вмешался в разговор Джамшед. Он никак не мог прийти в себя после попытки завести машину и тяжело дышал. – Уходить надо. Здесь оставаться опасно!

Со стороны пожара донесся звук, будто что-то лопнуло. Все как по команде обернулись. Горевшей «Нивы» видно не было, зарево поглотил рассвет, но черный дым выдавал место пожара.

– Как теперь с ней быть? – Магомед ударил носком ботинка по колесу.

– Зачем убивали строителей? – неожиданно спросил Хатча. – Кто поверит, что они все устроили?

– Разве ты не понял? – Анди разозлился. – Нам нужно выиграть время. Пока будут разбираться с этими трупами и сгоревшей «Нивой», можно уехать куда угодно.

– Хочешь сказать, что, если найдут машину, на постах будут меньше трясти? – удивился Джамшед. – Ментам только дай повод! Думаешь, зачем они мучают этими досмотрами? Чтобы найти оружие? Как бы не так. Людям не хочется, чтобы рылись в их вещах, вот они и платят.

– Знаю. – Анди вздохнул и посмотрел на дорогу. – Сам так ехал сюда.

– Надо спрятать эту машину и искать другой транспорт, – засуетился Хатча.

– Куда мы теперь ее денем? – Джамшед огляделся. Справа подъем, слева, в распадке, уже была «Нива», которую столкнули туда для того, чтобы сбить с толку милицию. Появление там «УАЗа» сведет на нет все старания со строителями.

– У меня есть идея. – Неожиданно лицо Анди озарилось зловещей улыбкой. – Сейчас разворачиваем машину в направлении села. Потом вы забираете оружие, мою одежду и уходите. Я останусь.

– Зачем? – в один голос воскликнули Магомед и Хатча.

– Кто поверит, что калека боевик? – Он прищурился единственным глазом. – Скажу, сломался еще вечером. А под утро со стороны села выскочила машина. Хотел их остановить, чтобы помогли завести, и чем-то напугал. Они и улетели с дороги.

– А тебя точно никто не видел, как ты строителей вез? – осторожно спросил Джамшед.

– Не беспокойся. – Анди самодовольно улыбнулся. – Никто. Тем более впереди выходной день. Кто хватится до понедельника этих пьянчуг?

– Хорошо придумал, – с восхищением пробормотал Магомед. – Только лучше будет, если ты скажешь, что, когда подъехал, они уже горели. Остановился, чтобы посмотреть, а потом не смог завести машину.

– Он правильно говорит, – согласился с предложением Магомеда Джамшед. – Когда узнают, что на самом деле машину столкнули, а не сама она туда съехала, тебя начнут искать. С твоей внешностью такое развитие событий опасно.

– Согласен. – Анди приободрился. – Давайте, уходите. Здесь не Чечня. Есть и такие, что может поехать, не дожидаясь, когда окончательно рассветет.

Глава 6

Прошли выходные, наступила новая рабочая неделя, а про Павла словно забыли. Он терпеливо ждал. Уже хорошо познакомившись с системой, начал волноваться и жалел, что ему сказали о скором освобождении. Так сиделось легче. Теперь время словно остановилось. Пропал сон. Он не знал, чем себя занять. Установленный под потолком телевизор, как назло, сломался. Пробовал читать, оказалось, в камере нет ни одной хорошей книжки. Все застойных времен, канувших в Лету авторов.

Наконец в среду с самого утра за ним пришли. Попытка узнать у конвоира, куда поведут на этот раз, не увенчалась успехом. Он лишь развел руками. Команды взять вещи не было, и Павел приуныл.

Его ввели в уже знакомую комнату. За столом, ножки которого были вмонтированы в бетонный пол, сидела, как всегда с непроницаемым взглядом, Жилова. Слева от нее какой-то седой, наполовину лысый мужчина в очках и... Сердце забилося так, словно хотело проломить грудную клетку и выскочить наружу. За металлическими прутьями ограждения, на отшлифованном до черноты некоем подобии табурета устроился тот самый парень, который напал на Пашку, отобрал деньги и выколол своему дружку глаз. Наверняка он и добил его позже.

– Проходите, садитесь, гражданин Долгов. – Жилова взглядом показала на стул по другую сторону стола, напротив того, который занимал очкарик.

Павел подчинился. Не сводя взгляда с ненавистного лица, он прошел к столу и медленно сел.

Как всегда, Жилова начала с формальностей и уточнила биографические данные Павла, словно в камере у него могла смениться фамилия или он стал моложе.

– Сейчас с вами будет проведена очная ставка, – казенно заученно начала она вводить Павла в курс дела. – Со стороны гражданина Хлебова присутствует адвокат Семенов Борис Андреевич. Вы, – она перевела взгляд на Долгова, – от адвоката отказались. Не изменили своего решения?

– Теперь тем более, – Павел обернулся к человеку, доставившему ему столько проблем. Однако ничего, кроме пустоты и безразличия в его взгляде, не увидел.

– Отвечайте конкретнее, – одернула Жилова.

– Нет.

– Вам знаком этот человек?

– Да.

Она пометила у себя его ответ.

– А вам? – Жилова посмотрела на Боксера.

– Конечно. – Узколобый выдержал паузу, задрав подбородок, словно давая возможность лучше рассмотреть свое лицо присутствующим. – Это он ударил ножом моего друга.

– Уточните фамилию и имя, – потребовала Жилова.

– Чего! – протянул Павел, приподнимаясь со стула.

– Долгов! – прикрикнула следователь. – Сядьте и не вынуждайте меня изменить порядок проведения следственного действия.

– Я попрошу занести в протокол, что этот гражданин ведет себя агрессивно. – Адвокат, словно желая удостовериться, выполнит или нет следователь его требование, склонил голову набок и заглянул в запись.

– Долгов напал на Морозова Сергея Петровича и на моих глазах несколько раз ударил его ножом, – заученно отрапортовал Боксер.

– Откуда вы знаете его фамилию? Были знакомы раньше?

– Вы сейчас сами сказали. – Хлебов, словно ища поддержки, покосился на адвоката.

– Долгов, теперь ваша очередь. При каких обстоятельствах вы познакомились с гражданином Хлебовым?

– Да что он несет! – протянул Пашка. – Не было ничего...

– Отвечайте без эмоций, – строго предупредила следователь. – Вы питаете неприязнь к гражданину Хлебову?

– Да, – закивал Павел. – А вы бы на моем месте... Я же вам говорил...

– По существу! – Жилова постучала обратным концом ручки по столу и перевела взгляд на Хлебова.

Тот ответил примерно в том же духе.

После этого Жилова потребовала от Павла рассказать, что произошло в то злополучное утро во дворе дома номер семнадцать.

Павел слово в слово пересказал то, что уже не один раз говорил, не понимая, для чего. Ведь настоящий убийца не он.

Все встало на свои места, когда наступила очередь Хлебова. С первых же слов Павел понял, почему вопрос о его освобождении затянулся. По версии мерзавца, он оказался на месте, где произошло убийство его дружка Морозова, случайно. Просто увидел, как тот свернул во двор названного дома, и решил его догнать. Однако там наткнулся на жуткую картину. Неизвестный парень, который сейчас сидел перед ним, наносил Морозову удары ножом в туловище. Хлебов попытался помочь товарищу, но едва не поплатился за это жизнью и убежал. Он, кстати, и позвонил в милицию, только при этом решил не называть себя. Поэтому обвинить его в оставлении человека в беспомощном состоянии или сокрытии преступления оснований нет.

Последнее негодяй говорил, не сводя взгляда с сидевшего к нему боком адвоката, словно читал что-то в его глазах. Павел понял, что они уже не раз встречались и обговорили основные моменты линии защиты.

– Экспертиза записи звонка моего подзащитного подтверждает это. – Адвокат открыл лежавшую на коленях папку и заглянул в какой-то листок.

– Почему тогда в своих первых показаниях вы говорили, будто убийство, ставшее результатом вашей ссоры с гражданином Резником, было итогом его попытки завладеть всей отобранной вами у неизвестного гражданина суммой?

– Я ничего подобного не говорил! – покачал головой Хлебов. – Там мне протокол сунули, я подписал, и все. А оказалось, вон что написали!

– Почему не прочли?

– А на меня это, – он стрельнул глазками в адвоката, – оказывали давление.

– В чем это выразалось?

– Били, – хмыкнул Хлебов и хотел сплунуть на пол, но вовремя спохватился и вновь устался на адвоката.

– У меня есть заключение экспертизы о ссадинах и синяках на теле моего подзащитного, которые по времени совпадают с первым допросом, – постукивая пальцем по лежащей на коленях папке, быстро заговорил очкарик.

– А вы не допускаете, что это следы борьбы между ним и жертвой? – Жилова откинулась на спинку стула.

– Знаете, то, что я допускаю, это мое дело. Вы закончили?

– Вы настаиваете на своих показаниях? – Жилова перевела взгляд на Павла.

– Да.

– У вас есть вопросы к гражданину Хлебову?

– Он утверждает, что один догнал своего дружка. – Павел забыл фамилию парня, в убийстве которого его обвиняли, и наморщил лоб.

– Морозова, – напомнила Жилова.

– А я могу рассказать, как выглядит второй. И уверен, это с ним он не поделил деньги.

– Я протестую! – Адвокат поднял руку. – Мы сейчас рассматриваем конкретный вопрос. Жилова снова постучала ручкой по столу:

– Долгов, вы уже описали его...

Пашка вновь оказался в камере. Состояние его было ужасным. После того как он расписался и на него снова надели наручники, он понял: вопрос об освобождении остается открытым. Более того, он откладывается на неопределенный срок.

Войдя в камеру, Пашка прошел к столу и уселся на скамейку.

– Судя по твоему лицу, дело дрянь, – вздохнул Лапша и отвернулся к стене.

Пашка обхватил голову руками и задумался. Чем дольше Долгов рассуждал о своем положении, тем отчетливее понимал: запечатан он здесь уже надолго. Но и сидеть ни за что – это сумасшествие и в голове не укладывалось.

* * *

Самолет угрожающе накренился, почти встав на пульсирующее красным сигнальным светом крыло. Огни города, разбежавшиеся по дну гигантской чаши, медленно закружились вокруг ее оси. Ночной Душанбе напоминал сверху перевернутый звездный купол. Улица Караболо, словно Млечный Путь, пересекает его по диагонали. В центре оранжевым пятном выделяется дворец Президента. Плывущие фары редких автомобилей походят на метеориты. Днем окруженная со всех сторон горами столица Таджикистана смотрелась грациозно. Сейчас самолет плыл уже в посветлевшем, сиреневом небе, а внизу еще была темнота. Антон не первый раз совершал сюда поездку. Но прежние были не в лучшие времена для этой страны, впрочем, как и для всех государств СНГ. За трое суток до вылета с группой начали проводить цикл занятий, инструктажей и информации по предстоящему театру действий. Затрагивался самый широкий круг вопросов – от климата до экономики. С момента последней командировки в Среднюю Азию в Таджикистане произошли большие перемены. Наладились и стали нормально функционировать все институты власти. Прекратились перебои с электроэнергией, снизился уровень преступности, стабилизировались цены. Окрепли и набрались опыта структуры, обеспечивающие безопасность страны. Это радовало. Прямо или косвенно с ними, на начальном этапе, придется сотрудничать. По словам Родимова, вопросы взаимодействия решены без проволочек.

Уши заложило. Свист турбин стал надрывней. Внутри все замерло. Самолет резко снижался. С каждой секундой все отчетливее проступали детали расположенных внизу улиц. Наконец провалились в тень. Спецназовцы зашевелились. Сидевший рядом с Антоном Дрон заерзал. Открыл глаза, потер ладонями лицо, зевнул и выглянул в иллюминатор:

– Прилетели?

– Почти, – подтвердил Антон и посмотрел на часы. – По-местному четыре сорок.

Едва самолет замер на бетонке, как к нему подрулили два микроавтобуса международного антитеррористического центра. Впрочем, от обычных шныряющих по московским улицам «Фордов» их ничто не отличало. Встречающих было минимум. Кроме водителей, которые так и не вышли из машин, невысокий, наполовину седой таджик в сером костюме и белой рубашке без галстука. Представился Курбоном. Он не назвал ни должности, ни звания.

– Как долетели? – наблюдая за тем, как спецназовцы выгружаются из самолета, спросил он.

– Спасибо, хорошо. – Антон оглядел свое войско. Все снаряжение было в багаже. Лететь решили в гражданской одежде и сейчас больше смахивали на группу любителей острых ощущений, решивших сплавиться по одной из многочисленных горных рек или подняться на очередную вершину. Шорты, бриджи, джинсы, майки или футболки. Прибыли без легенды. Как сказал Родимов, в данном случае любая лишь привлечет внимание. Самолет Министерства обороны, а внеплановых рейсов за год они делали много, поэтому никто не волновался. Быстро

загрузились и спустя десять минут через дальние ворота выехали за пределы аэропорта. До города домчались за десять минут. Прокатились по утопающей в зелени, уже искрившейся фонтанами центральной улице Душанбе и вскоре карабкались на первый после столицы Таджикистана в направлении границы перевал Фахрабат. Начало пути было комфортным. Однако недолго. Вскоре началась жара.

Не доезжая до Курган-Тюбе, перегрузили баулы и рюкзаки на армейский «КамАЗ», который поджидал немного в стороне от шоссе. Он без остановок довез их почти до самой границы. Смена транспорта была обусловлена большим количеством милицейских и военных постов на дороге, на которых не проверяли технику дислоцировавшейся в республике российской базы. По словам Курбона, он мог игнорировать любых проверяющих, но тогда пострадала бы секретность операции. Когда уже было видно извилистую нить Пянджа, машина встала. Здесь вновь пересели в уже знакомые микроавтобусы и двинулись дальше.

Антон устроился рядом с Курбоном.

– Для вас оборудовали лагерь и площадку. Туда скоро придут инструктора, – предупредил таджик. – Вертолет принадлежал небольшой местной авиалинии.

– А теперь? – осторожно спросил Дрон, который молил бога, чтобы эта командировка по каким-нибудь причинам не состоялась.

Он сидел напротив Антона и, когда речь зашла о вертолете, вцепился в подушку сиденья руками так, что побелели костяшки пальцев.

– Специальная комиссия неделю назад приняла решение запретить ему полеты из-за технических неполадок и возраста.

– Сроков эксплуатации, – машинально поправил Дрон и погрустнел.

– Да, он очень старый, – не подозревая, в чем причина обеспокоенности сидевшего напротив смуглолицего мужчины, произвольно сгустил краски Курбон. – Если бы не вы, его бы наверняка скоро списали. Чтобы хозяева не разобрали на запчасти, служба безопасности на воздушном транспорте дала указание перегнать его на аэродром в Душанбе. Оттуда, уже летчики нашего ведомства, вернули его на границу.

– А новее машину нельзя было подыскать? – заерзал Дрон.

– В республике нет достаточных средств, чтобы покупать новые вертолеты. Латаем старые.

– А куда они летают?

– В основном приграничные населенные пункты. – Курбон развернулся на сиденье. – Мазари-Шариф, кишлаки поменьше. Там много таджиков, у которых здесь родственники, и наоборот. Возим хлеб, медикаменты.

– Героин, – усмехнулся Василий и тут же, под осуждающим взглядом Антона, втянул голову в плечи.

– Шутник, однако. – Курбон откровенно рассмеялся и посмотрел вперед.

Машина перевалила очередную гору и теперь катилась вниз. Справа отвесной стеной высилась скала. Слева обрыв. Внизу, на тридцатиметровой глубине, течет речка. Асфальтовое покрытие было искорежено гусеницами бронетехники. Часть проезжей части обвалилась в ущелье так, что местами невозможно разехать двум машинам. Проехали небольшой карман, где стояли два трактора и вагончик.

– А мне эти места знакомы, – с тоской проговорил Антон, вспомнив давнюю командировку.

Вскоре свернули на едва заметную, похожую на широкую тропу дорогу и затряслись на выступающих из рыжей земли камнях. Все вмиг покрылось толстым слоем пыли. К обеду приехали на место. Ровная, размером с половину футбольного поля площадка, на которой стоял вертолет, была со всех сторон закрыта от посторонних глаз возвышенностями и скалами. Охранялась группой вооруженных автоматами людей, одетых в песочного цвета форму. На лицах,

несмотря на настоящее пекло, маски. Было понятно, что эти люди натянули их на головы при появлении кортежа.

– Кто это? – первым делом осторожно поинтересовался Антон.

– Бойцы нашего ведомства, – пояснил Курбон. – Антитеррористический центр. Но даже они не в курсе реальных планов. За час до вашего отлета охрана уедет. Они будут думать, что отсюда полетит группа для урегулирования приграничного конфликта с одним из афганских отрядов. Это здесь происходит часто.

– И пожить толком не получилось, – раздался из-за спины голос Дрона.

Антон обернулся. Василий поставил рюкзак у ног, упер руки в бока и с тоской смотрел на новое транспортное средство группы. Вертолет выглядел не лучшим образом. Скорее всего когда-то он был военным. Из-под остатков серой краски проглядывали желто-зеленые пятна камуфляжа. Но большая часть поверхности блестела металлом. Один иллюминатор закрыт куском железа.

Багаж внесли в установленную в расселине палатку, полог которой из-за жары по периметру предусмотрительно завернули и подвязали так, что внутри были видны заправленные армейскими одеялами кровати.

– Вы прямо мини-аэродром оборудовали, – цокнул языком Антон.

– По плану, вам придется еще немного здесь жить. – Курбон пригнулся и первым прошел в жилище.

Антон протиснулся следом. Было душно. Кроме спальных мест, таджики приготовили ящик для оружия с замком и поставили несколько тумбочек. На одной стоял полевой телефон.

– С кем связь? – Антон подошел, крутанул ручку и приложил трубку к уху.

– «Зенит» на связи! – ответила она с акцентом.

– Проверка связи, – ответил Антон и посмотрел на Курбона.

– Это старший на объекте. Он отвечает за охрану.

– Где инструктора?

– Их привезут к началу занятий. Завтра в десять. Сегодня вы должны принять вертолет. Проверить его работу.

– Среди нас, если вам известно, нет профессиональных пилотов. – Антон испытующе посмотрел в глаза таджика. – Нам бы сегодня специалистов...

– Знаю, но ничего поделать не могу. Подготовку к перелету из-за соображений скрытности было решено поручить узбекским товарищам.

– В общем, полный интернационал, – фыркнул неведь откуда взявшийся Дрон. – Решили на нашем горе провести ученья в рамках ШОС по взаимодействию между странами – участниками договора о противодействии терроризму.

Антон разозлился. Последнее время Василий, как черт из табакерки, возникал в самый неподходящий момент и в местах, где его присутствие не требовалось.

– Ты что здесь забыл? – Антон строго посмотрел на майора.

– Виноват. – Дрон смутился и поспешил ретироваться.

– Мы создаем подразделение по типу вашей группы, – задумчиво глядя ему вслед, проговорил Курбон. – Знакомство с ним навело меня на мысль, что в такой организации обязательно должен быть человек, знающий психологию.

– Или психиатрию, – еще не понимая, к чему клонит таджик, уточнил Антон, ставя свой рюкзак на землю.

– Вам не нравится его поведение? – удивился Курбон.

Антон неопределенно пожал плечами:

– Я похож на короля Лира?

– Шуты на самом деле были умными людьми. – Курбон смерил Антона насмешливым взглядом. – Глядя на него, можно подумать, что вы специально держите веселого человека в группе. – Таджик вышел из палатки.

Микроавтобусы уехали. После появления спецназовцев охрана скрылась с глаз. Но Антон знал: посты расположены на удалении зрительной связи друг с другом. На всякий случай поручил Лавру развернуть станцию и проверить все средства связи. Котов за это время осмотрел местность, накидал план. После этого Антон собрал группу, провел инструктаж. Распределил сектора обстрела на случай внезапного нападения. Уточнил сигналы взаимодействия. В общем, на все случаи жизни довел «боевой расчет». То, что их охраняют, это одно. Группа находится в приграничной полосе государства, в котором совсем недавно закончилась гражданская война. Причем в непосредственной близости со страной, которая больше всех в мире производит наркотиков.

Остаток дня посвятили проверке вертолета. Антон влез в кабину, в салон, подогнал сиденье и педали. Сел на свое место, прокрутил в голове порядок действий при подготовке к полету и запуску.

– Товарищ подполковник. – Вкрадчивый голос Дрона отвлек от размышлений. Антон посмотрел на сидевшего сбоку Василия. Лицо его было мокрым от пота, взгляд сосредоточен.

– Чего тебе?

– А если это корыто не дотянет?

– Тридцать лет как-то летало, неужели на последний полет не хватит? Сплюнь.

У Антона было около семи часов налета. Но каких? С инструктором, идеальные условия для взлета и посадки, отсутствие ветра. В основном же занимался на тренажерах. Хотя они в учебном центре были новыми, максимально имитировали полетную обстановку. У Дрона на пару часов больше. И то только потому, что всех внештатных пилотов групп два раза в год собирали на отдельные сборы и увозили в Жуковский. По заявлениям самого Дрона, он там «парил булки» и был этим полностью доволен. По крайней мере до того момента, пока не появилась новость, что обучение этой категории специалистов было не для того, чтобы где-то блеснуть тем, что у нас любой спецназовец умеет еще и летать. Спать легли поздно. Ночью было прохладно, поэтому отдохнули хорошо. Утром появился Курбон. С ним приехали и трое летчиков. Двое оказались русскими. Остались служить после развала Союза в узбекской армии. В термосах привезли плов и чай. До восхода позавтракали и стали ждать топливозаправщик. По словам Курбона, «МАЗ» безнадежно отстал от «Фордов» в самом начале подъема.

– Мне кажется, здесь прохладнее, чем в Москве. – Кот задрал голову и посмотрел на парящего в небе орла, потом перевел взгляд вниз, где по серпантину карабкался наливник.

– Потому что сухо. – Антон сдвинул кепку на затылок и проследил за взглядом майора: – Минут через сорок будет.

– Заправщик? – встрепенулся Джин. Он сидел на земле, ниже, и ему не было видно той части дороги, по которой ехала машина.

– Красиво здесь, – обведя взглядом пики окружавших площадку вершин, цокнул языком Стропа.

Дрон свесил ноги из вертолета и спрыгнул вниз. Поморщился:

– Духовка.

– Ты, Вася, так и не рассказал, как тебя жена отблагодарила, – неожиданно раздался изнутри салона голос, и в дверном проеме показалось веснушчатое лицо Лаврененко. Прапорщик забрался в раскалившийся на солнце вертолет из-за не понравившихся Дрону проводов, свисающих под приборной доской.

– Молча. – Дрон сунул руки в карманы и передернул плечами. – Тебе какое дело?

Антон посмотрел на Василия и вновь перевел взгляд на карабкающийся в гору топливозаправщик. Он понимал, почему Дрон сегодня не такой, как всегда. Ему не до веселья. Еще

бы, скоро майору придется лететь на вертолете в качестве пилота, при этом везти всю группу. Маршрут проходит над районом, где асы летают редко, а получить в борт «Стингер» проще, чем попить воды.

Антон поднялся и подошел к сгущающимся в тени скалы летунам:

– Вы машину осмотрели?

– Сам же знаешь. – Узбек по имени Нурали встал с брошенного на землю куска брезента. – Без запуска какой толк? Сейчас заправим, тогда и поглядим.

– А все-таки, как думаешь, сколько он протянет?

– Много. – Нурали насмешливо посмотрел на Антона. – Машина очень надежный. Жалко, опыта у вас мало. Мне Курбон сказал.

– Сегодня что будем делать?

Нурали перебрал вперед болтающийся на боку планшет и открыл его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.